

Литературный меридиан

Июнь 2009 г.
№ 6 (18)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ПРОЗА

• Сергей НАЗАРЕНКО •
(с. 4)

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

• Сергей БАРАБАШ •
(с. 8)

ДЕМОГРАФИЯ БАРАКА

• протоиерей
Максим ОБУХОВ • (с. 10)

К ЮБИЛЕЮ А. АХМАТОВОЙ

• Владимир САМАРСКИЙ •
(с. 16)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Психея

Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин.
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая. Пунш — и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — птицей —
Бабочкой ночной — Психея!
Шёпот: «Вы ещё не спите?
Я — проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, навших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках — как пэри! —
При этом — привиденьем —
Выпорхнула.

Пунш — и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опохало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»

Плащ накинув
На одно плечо — покорно —
Под руку поэт — Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... — «С Богом!»

А Психея,

К спутнице принав — слепому
Пугалу в чепце — трепещет:
Не прожёт ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

.....
Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспадение на персидский
Палевый халат — и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Марина Цветаева.

Рисунок Е. Ененко

**6 июня – 210 лет
со дня рождения
А.С. Пушкина**

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

• Анастасия КАРАВАЕВА •
(с. 18)

К ЮБИЛЕЮ

Владимира ТЫЦКИХ
(с. 26)

ПОЭЗИЯ

• Вячеслав ПРОТАСОВ •
(с. 30)

ПОЭЗИЯ

• Марина ЗАЙЦЕВА •
(с. 31)

Коротко
о главном

Сегодня модно говорить об экономическом кризисе. Он – «долгожданный». Он – «кстати». Кризис – удобный повод урезать заработную плату на предприятиях, устроить массовые сокращения рабочих и служащих, отказаться от финансирования мероприятий в области культуры и образования.

И – со всех сторон, с высоких и не очень трибун, *голосистыми солистами и хором*: «Кризис, кризис, кризис!».

Но, как известно, большинство кризисов – у нас в голове.

И не смотря ни на какие кризисы в минувшем полугодии помочь нашей газете смогли Светлана Шкляева (г. Владивосток), Людмила Койнова (г. Уссурийск), Мария Калинина и Лира Бусыгина (г. Рошаль), Татьяна Власова (г. Шатура), Людмила Огаркова (г. Уссурийск), Надежда Лебкова (г. Москва), Руслан Садертдинов (Подмосковье), Алиса Артеменко (с. Марьяновка), Анатолий Бакалов (г. Владивосток), Любовь Самойлова, Мария Сухова, Татьяна Овчинникова (г. Уссурийск), Надежда Лавровская (с. Вольно-Надеждинское), Нина Гудкова (г. Саратов), Борис Толпышев (п. Липовцы), Надежда Верхотурова (с. Новотроицкое), Надежда Белоусова (г. Благовещенск), Валерий Веретнов (г. Долинск).

Спасибо, дорогие друзья. На момент вёрстки июньского номера (первая декада мая) редколлегия «ЛитМ» начала готовить экипаж для участия в автопробеге, проводимого в рамках празднования Дней славянской письменности. Как сообщил нам руководитель автопробега Владимир Тыцких, в 2009 году участники акции, стартовав во Владивостоке, проедут по территории Приморья по двум маршрутам – на юг и на север края, встретятся в г. Уссурийске и отправятся в Арсеньев и Чугуевку.

На одном из этапов к автоколонне участников присоединится экипаж «Литературного меридиана». В планах участников пробега – встречи с творческой интеллигенцией, военнослужащими, студентами и школьниками, служащими различных учреждений культуры.

Репортажи о проведенных встречах – читайте в летних выпусках «Литературного меридиана».

Кратко о делах газетных

В июне подписная кампания в разгаре. Экономические потрясения всё-таки коснулись и нашего издания. В последнее время существенно подорожали услуги почтовой связи, растут цены на тиражирование издания и канцелярские расходы, электроэнергию. Мы несколько месяцев за счет личных средств членов редколлегии удерживали стоимость подписки на «ЛитМ» на уровне прошлого года, при этом постоянно наращивали объем издания. Реальность издательская подталкивает нас увеличить стоимость полугодовой подписки до 200 рублей. Мы очень надеемся на понимание наших новых и постоянных подписчиков.

Отдельно хочу призвать читателей, оформивших абонемент лишь на 1-е полугодие 2009 г., поддержать «Литмеридиан», продлив подписку и на 2-е полугодие. А также – обращаюсь ко всем неравнодушным с просьбой пригласить подписаться на «ЛитМ» своих родных, знакомых и друзей, коллег. Условия подписки подробно изложены **на странице 36**. Лишь объединив усилия редколлегии и подписчиков, можно сохранить издание, ЕЖЕМЕСЯЧНО выпуская номер объемом 4–5 п.л. (32–40 страниц). В противном случае – придётся выпускать сдвоенные номера меньшего объёма. Каждый из авторов и читателей причастен к судьбе издания, не оставайтесь в стороне, пожалуйста.

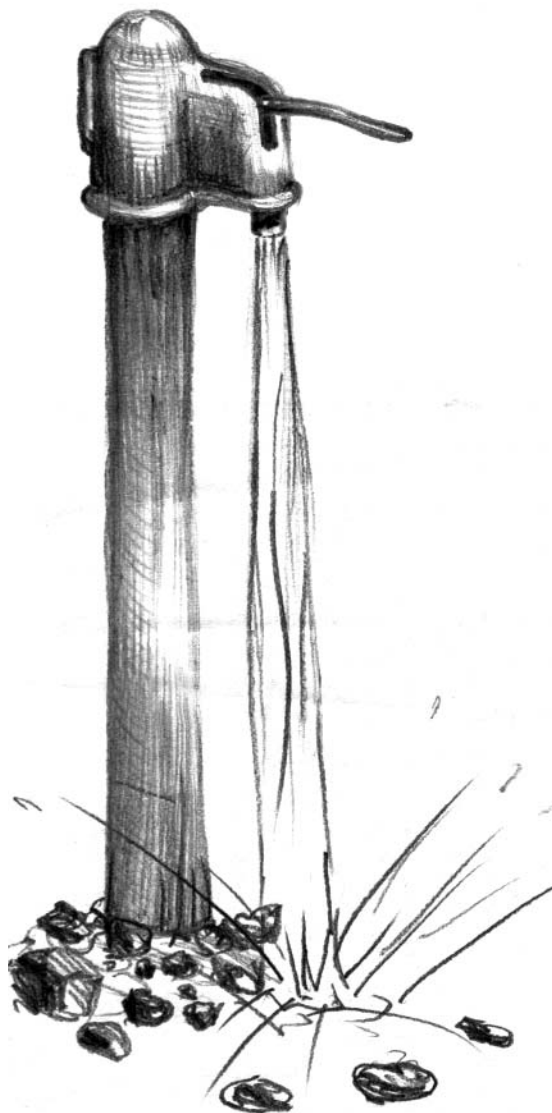

Рисунок
Натали ПАНЬКИНОЙ,
г. Арсеньев.

Владимир КОСТЫЛЕВ

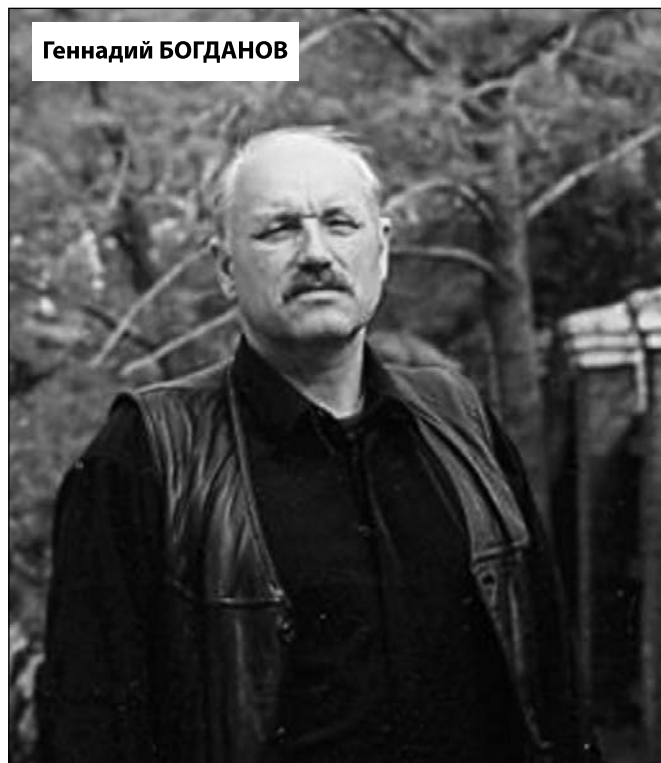
ИЗУЧАЯ ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Рубрику «Поэзия» майского номера «ЛитМ» открывает подборка стихов **Кирилла Ковальджи** «Соединение наших имён». Для меня в этой публикации есть что-то знаковое и, несомненно, значимое. В период моей бурной литературной деятельности, с начала восьмидесятых и до середины девяностых, когда я руководил литобъединением при хабаровском СП, моим главным ориентиром были критические статьи Кирилла Владимировича. До сих пор я обращаюсь за советом к слову мастера, листая страницы толстых журналов прошлых лет. Так уж случилось, что Кирилл Ковальджи для меня был скорее поэтическим рефери, чем писателем и поэтом. Как-то не попадались мне на глаза его стихи и проза. С благоговением и радостью читаю подборку автора. Стихи очень разные, но все по-настоящему хороши. Щемлящая искренняя лирика поэта затрагивает самые потаённые струны души. И всё же хочу особенно выделить несколько стихотворений: «Был закат Москве показан», «Сбрасывают книги», «Автомобиль-невидимка», «Любила» и, наконец, глубокое лирическое стихотворение «О как я теперь понимаю Давида». Надеюсь на новую встречу с творчеством К. Ковальджи на страницах нашей газеты.

Интересна лирика **Валерия Кулешова** в подборке с легкомысленным названием «Любовь – актерские дела». Первая строфа стихотворения «Судьба моя – надежды табор» несколько тяжеловата из-за перегруженности перечислениями. Безукоризненно написано второе стихотворение «В подземелье сыром». На мой взгляд, в стихотворении «Полвека прожил» надо доработать вторую строку первого катрена и сделать её более внятной.

Стихи **Светланы Ширанковой** оригинальны и не лишены тайны. Лирика автора своеобразна, многое остается за кадром. И правильно, пусть читатель напряжет своё воображение – всегда полезна зарядка для ума.

Максим Лаврентьев пишет в лучших традициях русского стиха, но, тем не менее, он очень современен. Правда, странно слышать от молодого поэта такие слова: «а ты уже не юн – тяжела душа и тяжела походка». И ещё: «Годы грызут своё». С удовольствием прочитал всю подборку. Наиболее яркие и запоминающиеся стихи: «Психея», «Тёмной влагой набухает сквер», «Изучая таинственный

Геннадий БОГДАНОВ

мир», «Не подумай, что я неудачник», «Одинокая джонка», «Город заповедных усадеб», «Петровско-Разумовская весна».

«Звукоряд» **Евгении Костюковой** авангарден. Чего стоит такое: «Молчаливые скалы устало камлают с мольберта!» А как вам «моль brutальных камней»? Неужели «Мы – чернильная мушка в янтарном горении одиночества»? Но поиск автора интересен: «Я вмерзаю в любовь по-рыбьи». Наиболее удачные стихотворения: «Собачье», «Весенний блюз для любимого» и «Время».

Особая благодарность и мой низкий поклон авторам стихотворений на конкурс 9 мая **Олегу Матвееву** и **Владимиру Люкову**.

Несколько слов о своём стихотворении «Предчувствие войны». Не знаю, насколько удачно, но я попытался в нём реализовать сон, который часто снился мне лет десять назад. Сюжет сна прост: меня вновь и вновь призывают в ряды вооруженных сил, всё в ту же воинскую часть, которая располагалась между Сучаном (ныне г. Партизанск) и Находкой. К сожалению, того авиационного полка, в котором я служил, давно нет на том месте, и заросла высокой полынью взлетная полоса...

До новых творческих встреч!

ДЕПУТАТЫ

Сергей НАЗАРЕНКО,
г. Арсеньев

Рисунок Андрея КИСЛОВА,
г. Арсеньев

/отрывок из рассказа/

Илья Геннадьевич

Наступил момент, когда один из крупных машиностроительных заводов города «Флагман» перестал получать государственные заказы от своего министерства на изготовление продукции.

Многочисленные поездки руководства предприятия в Москву заканчивались без результата. Паника охватывала тружеников завода – многие боялись остаться без работы.

Главный энергетик предприятия Мозговой Илья Геннадьевич, сорока пяти лет, черноволосый, с открытым лицом, крепкого телосложения, резко критиковал директора завода за пассивность и растерянность.

– Вячеслав Иванович, – часто говорил он, – если военное ведомство не заказывает наши приборы, давайте переходить на выпуск других товаров.

– На кастрюли что ли, Илья Геннадьевич? – директор беспомощно улыбался.

– Ну почему сразу на кастрюли? Можно попробовать производство сельскохозяйственных машин.

– Да кто их возьмет? Нет, это не выход. Будем ждать. Вдруг там наверху одумаются, – директор поднял указательный палец вверх.

Такие разговоры главного энергетика и директора предприятия продолжались в течение полугода.

Сегодня после очередного спора с руководством завода Илья Геннадьевич пришёл домой раньше обычного. Жена Вера Ивановна встретила возбужденного мужа словами:

– Что случилось, Илюша?

Супруга работала в одном из банков города. Она была небольшого роста, с хорошо сохранившейся фигурой. Густые прямые волосы закрывали лоб, образуя каре а-ля Мирей Матье, и подчёркивали выразительность карих глаз.

Мозговые имели двоих взрослых сыновей. Старший работал в Хабаровске на таможне, младший заканчивал политехнический институт во Владивостоке. После того, как их мальчики разъехались, что-то надломилось в отношениях супругов, образовалась пустота, которую ещё недавно заполняли заботы о детях. Чувства охлаждались с каждым днём. Скука поселилась в их доме. И они понимали, что в семье происходит кризис. Каждый старался задержаться на работе подольше. Особенно тягостно проходили

выходные дни, когда они вынуждены были мелькать друг перед другом долгими часами. Вечерами каждый смотрел программы по своему телевизору. Но постель ещё оставалась общей.

Вера Ивановна всё больше времени уделяла увядающей коже, посещала бассейн, своего массажиста.

– Этот болван губит завод! – возмущённо произнёс Илья Геннадьевич. – Сидит, ждёт у моря погоды.

– А может, не стоит трепать нервы? – спокойно сказала Вера Ивановна.

– Что ты имеешь в виду?

– Надо уйти с завода.

– И что же я буду делать? – спросил Илья Геннадьевич.

– Начинаются выборы в думу города. Попробуй, может, пройдёшь.

– Так в думе зарплату не платят.

– Если изберут председателем или, на худой конец, станешь работать на постоянной основе – будешь получать.

– А если не изберут, я теряю место на заводе... Но надо попробовать.

– Вот и хорошо. С завтрашнего дня уходи с завода и включайся в предвыборную кампанию.

На следующий день Мозговой подал руководству завода заявление на увольнение по собственному желанию. Директор, не скрывая радости, написал на нём: «Не возражаю. Без отработки».

Лариса Николаевна

Лариса Николаевна Войтик, высокая яркая блондинка с большими голубыми глазами, работала начальником конструкторского бюро на крупном машиностроительном заводе «Витязь».

И хотя она воспитывалась в интеллигентной семье и имела диплом о высшем техническом образовании, замуж вышла, вопреки воле родителей, за добродушного деревенского парня, с большим трудом окончившего среднюю школу.

Чем молодой Григорий Петрович покорила красавицу, оставалось тайной. Правда, было у него два несомненных достоинства: внушительный рост и широкие плечи. К тому же он имел добрый, отходчивый характер, как большинство крупных людей. С годами Григорий располнел и стал походить на неуклюжего медведя.

К сорока годам Лариса Николаевна имела надёж-

ного мужа и двоих детей: шестнадцатилетнюю Настю и Дениса тринадцати лет.

Григорий работал дежурным слесарем в заводской котельной сутки через трое. В свободные от дежурства дни занимался кузовным ремонтом легковых автомобилей. И получал небольшие деньги. В те дни, когда клиентов не было, Войтик, пользуясь любым предлогом, после коротких сборов уезжал на рыбалку. Его устраивали и река, и озеро, и море.

Лариса снисходительно относилась к увлечению мужа, не поощряла его, но и не запрещала. Иногда и сама была не прочь посидеть с удочкой у реки.

Григорий любил жену, но побаивался её крутого нрава и слушался безоговорочно.

Лариса, приходя с работы домой, спрашивала мужа строгим тоном:

– Гриша, ты приготовил ужин?

– Да, мой генерал. Стол накрыт, – отвечал Григорий, встречая жену с подобострастно-виноватой улыбкой.

Со временем Войтику даже понравилось приготовление пищи. Постепенно это вошло в его обязанности. Но Григорий не роптал. Признавал, что жена выше его по образованию, культуре и, возможно, в будущем сделает карьеру.

Пришли смутные времена. Страна разваливалась на глазах. В экономике наступил застой.

Дела на заводе день ото дня становились всё хуже и хуже. Началось повальное сокращение рабочих и служащих. Лариса Николаевна чувствовала, что скоро наступит время, когда и она окажется за проходной завода. Этот день неминуемо приближался.

Но тут подоспела выборная кампания в городскую думу.

Избрание

Лариса Николаевна активно включилась в предвыборную кампанию. Ничего другого не оставалось: пришёл черёд её увольнения.

Войтик быстро собрала необходимые документы в городскую избирательную комиссию. Открыла счёт в сберегательном банке и даже положила на него несколько сотен собственных рублей – всю заначку на «чёрный день». В одной из типографий города отпечатала маленькую скромную одноцветную листовку небольшим тиражом, в которой изложила свою предвыборную программу.

В избирательной комиссии Лариса Николаевна заметила смуглого мужчину с тёмными умными глазами и седеющими усами.

Поймав на себе взгляд привлекательной женщины, незнакомец поинтересовался:

– Вы тоже выдвигаете свою кандидатуру?

– Да, – робко ответила Лариса Николаевна.

– Тогда давайте знакомиться. Вас как звать?

Лариса назвала себя.

– А я – Илья Геннадьевич Мозговой. Совсем недавно работал главным энергетиком на «Флагмане», – Мозговой располагаясь улыбнулся.

– А вы, наверное, Илья Геннадьевич, как и я, идёте в депутаты в первый раз? – спросила Лариса Николаевна.

– Не совсем так. Ещё в молодые годы, когда общественно-экономическая система была другой, я работал депутатом в течение трёх лет. Но тогда мы полностью были под присмотром партии. Сейчас совсем другие времена.

– Всё равно у вас есть опыт депутатской работы, а я – как слепой котёнок. Илья Геннадьевич, вы меня научите, как провести агитационную кампанию? Как вообще выиграть, победить?

– С удовольствием. Я обязан помочь такой приятной женщине, как вы, Лариса Николаевна. Расскажу всё, что знаю. Давайте завтра встретимся часов в десять.

– А где?

– Здесь, в здании администрации. На первом этаже работает мой старый приятель. Он предоставит нам свой кабинет. Думаю, за час мы всё обговорим.

– А какой номер кабинета?

– Три.

– Хорошо.

Остаток дня Лариса Николаевна находилась под впечатлением от встречи с Мозговым. Её поразили эрудиция главного энергетика, доверчивая, располагающая манера общения.

Утром она сбегала к своему парикмахеру, сделала стрижку. Захватив агитационные листовки, ровно в десять появилась у назначенного кабинета. В ту же минуту дверь распахнулась, и Илья Геннадьевич пригласил собеседницу внутрь помещения.

Кабинет был небольшим и достаточно уютным.

– Вот, – Войтик положила листовки на стол. Илья Геннадьевич взял одну из них, бегло просмотрел текст, слегка улыбнулся и произнёс:

– Лариса Николаевна, на таких листовках, как у вас, извините, далеко не уедешь.

– А что делать? – Лариса Николаевна почувствовала, как щёки её полыхнули огнём.

– Надо лично зайти в каждую квартиру, – начал Мозговой ровным, спокойным голосом. – Улыбнуться, расположить к себе, поговорить с человеком о его проблемах и пообещать помочь.

– А если я пообещаю, а выполнить обещанное не смогу? – спросила Войтик.

– А это уже как Бог даст. Вы пока об этом не думайте. Сначала надо решить задачу номер один – попасть в думу, а наказы избирателей... Это уже как будет складываться ситуация.

– А что людей больше всего волнует на сегодняшний день? – Лариса Николаевна взяла чистый лист бумаги и приготовилась записывать.

Дверь без стука отворилась, и появившаяся в проеме пожилая женщина спросила хозяина кабинета.

– Олег Николаевич будет через час, – ответил Мозговой. Посетительница закрыла дверь.

– Так о чём это мы?... Да, всё зависит от возраста избирателей. Молодых беспокоит одно, пенсионеров – другое.

– Ну, скажем, тех, кто обычно ходит на выборы.

– То есть это люди от сорока лет и выше. Их волнуют проблемы со здоровьем, небольшая пенсия, высокая квартплата, холод в квартирах, протекающие крыши, цена за проезд в городском автобусе, всё возрастающие тарифы на коммунальные услуги, дороги...

– А молодых?

– На первом месте у них работа и жильё. У молодых вообще нет своей крыши над головой, даже прохудившейся. Поэтому главное, что их заботит, – это жильё, второе – работа. Или наоборот.

Зазвонил телефон. Мозговой поднял трубку.

– Нет. Позвоните через полчаса. Всего хорошего.

– Илья Геннадьевич, так что вы мне посоветуете конкретно? – Войтик перевернула исписанный лист бумаги.

– Старшим пообещайте, скажем, дополнительные скамейки в их микрорайоне. Вот идёт молодой человек по городу.

Ему скамейки нужны? Нет. А пожилому? То, что один совсем не замечает, для другого – жизненная необходимость.

– Ещё?

– Или взять талончики в поликлинике на приём к врачу. Состоятельные больные рассеиваются по платным медицинским центрам. Или, в случае болезни, прямиком едут в краевой центр. Их проблемы талончиков не волнуют. Это же касается работников административных структур. А простые пенсионеры, инвалиды? Им почему-то никогда не хватает талонов.

– А как депутаты могут повлиять на решение этой проблемы?

– Вот выберут, будем думать.

– Хорошо, Илья Геннадьевич. А что вы будете предлагать своим избирателям?

– Только своё обаяние. Шучу. А если серьёзно – то же, что и советовал вам.

– Я так волнуюсь. Боюсь выступить перед людьми. Никогда не имела опыта выступления в массовой аудитории. Да что там в массовой, даже перед группой людей, если их больше десяти...

– Это со временем проходит. У меня имеются некоторые навыки общения с людьми: в моём подчинении на прежней работе было более тридцати человек, – Илья Геннадьевич замолчал на минуту, задумался, видимо, вспоминая свою деятельность в должности главного энергетика. – Чтобы побороть волнение, в

любой аудитории выберите одного приятного на вид человека и говорите как бы для него. Волнение и уляжется.

– Спасибо, Илья Геннадьевич. Все ваши советы я постараюсь использовать в своей предвыборной работе.

Три последующие недели в поздние часы ходила Лариса Николаевна по квартирам своего избирательного участка. Часто её сопровождал Григорий. Войтик излагала программу действий в случае своего избрания депутатом. И улыбалась. Наслушалась разного. Иногда приветливые с виду люди и даже знакомые в момент общения внезапно превращались в злых, агрессивных обывателей, словно в лице Ларисы Николаевны наконец увидели виновницу всех своих жизненных неурядиц.

В некоторых квартирах разговаривали через дверь.

– Чего надо?! Шастают тут всякие.

– Откройте, я по выборам, – голос Войтик дрожал от волнения.

– Не откроем. Не ходим мы на выборы! Что с них толку?!

В других местах открывали двери мужчины, полураздетые, в трусах, изрядно навеселе. Похотливо осклабясь, приглашали пройти к столу, уставленному бутылками с горячительными напитками, составить компанию.

В одной из квартир, битком набитой пожелтевшими газетами, старичок с большой лысой яйцеобразной головой на тонкой морщинистой шее долго пытал Войтик мудрёными вопросами. Лариса Николаевна терпеливо, как могла, отвечала.

– А вот скажите, милая, что у нас в России неоправданно дорого?

Войтик на минутку задумалась.

– Наверное, бабушка, непомерно завышенные платежи за коммунальные услуги.

– А вот и нет, голубушка, – дедуля радостно захихикал, – дороже всего нам, простым избирателям, обходятся «слуги народа» и чиновники. Вот выберём, а потом придётся содержать вас...

В ночь перед выборами Лариса Николаевна не спала. Григорий тоже всё время сопел, кряхтел, ворочался с боку на бок, отчего кровать жалобно скрипела, переживал за жену.

Весь день она находилась в состоянии нервного возбуждения, знакомого ей ещё по сдаче экзаменов в институт. К еде не прикоснулась. Выпила лишь два стакана чая.

Утром ей позвонила секретарь избирательной комиссии:

– Лариса Николаевна, вы стали депутатом городской думы. Примите наши поздравления.

– Спасибо... – Войтик опешила, затем бросилась к мужу: – Гриша, я прошла! Победа!

От счастья сердце сбилось с ритма, радостное волнение на минутку вызвало стеснение в груди и нехватку воздуха, закружилась голова...

Через несколько минут раздался ещё один звонок. Приятный и очень знакомый голос произнёс:

– Я вас поздравляю, Лариса Николаевна. А вы можете поздравить и меня. До встречи.

– Кто звонил? – спросил спросонья Григорий.

– Коллега по думе. И мой наставник.

– Даже так?

– Да! А теперь – спать.

ОФИЦИАЛЬНО

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ
ТРЕБОВАНИЯ,
ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ
К ПРИСЫЛАЕМЫМ
МАТЕРИАЛАМ**

1. *Произведение присылается ОДИН раз.*

2. *Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа НЕ писать и НЕ печатать.*

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. **Фотографии принимаются ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ**, высокого качества.

5. *Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных).*

6. *При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.***

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

УВАЖАТЬ ФАКТ, СЛЕДОВАТЬ ПРАВДЕ

В первых трёх номерах «Литературного меридиана» за 2009 год опубликованы рассказы Светланы Шкляевой – «Надежда», Жанны Райгородской – «Предсказание» и Юрия Любушкина – «Ездовой Омельченко».

Рассказ «Надежда» по содержанию не оригинален – о жертвах так называемых «сталинских репрессий» до С. Шкляевой писало великое множество авторов. Как ни странно это звучит, но оценка одних и тех же событий различными авторами совпадает далеко не всегда. Например, широко известные писатели А. Солженицын и В. Карпов, немалую часть своей жизни оставившие в «сталинских» лагерях, диаметрально противоположны как в отношении к самому Иосифу Виссарионовичу, так и ко всему, что связано с этим именем. Подчёркиваю: диаметрально противоположны. А ведь В. Карпов и А. Солженицын, являясь непримиримыми оппонентами в спорах о «сталинских репрессиях», не умозрительно, а изнутри знали то время, когда, по словам С. Шкляевой, «арестовывали и сажали часто и охотно».

Таким образом, взявшись за описание времени, которое и современники не могут оценить однозначно, С. Шкляева должна была быть предельно внимательной, касаясь даже мелких деталей быта, чтобы убедить читателя в достоверности или хотя бы в допустимости тех событий, о которых она решила рассказать публично. На мой взгляд, С. Шкляева с этой задачей справилась не лучшим образом.

Например, не выдерживает никакой критики эпизод, когда, получив от отца весточку, героиня рассказа «развернула заветный треугольник» и из него «выпала бумажная денежка». Между прочим, письма из заключения на волю в то время перлюстрировались, а пересылка в этих письмах денег была категорически запрещена. То есть из отцовского письма «бумажная денежка» выпасть просто не могла.

Так же неубедительно воспринимаются и некоторые другие эпизоды рассказа. Например, когда на абсолютной забытой улице главная героиня, сама ещё малолетний ребёнок, через «шесть детдомовских лет» узнаёт во встреченном мальчишке «дружка по *младенческим* играм». Это тем более странно, что визуально она ни родного отца, ни мать узнать не смогла. Вообще-то и не удивительно: шесть лет для ребёнка – срок чрезвычайно большой.

Вызывает сомнение, что «Надюша со своими двойками перешла в третий класс». В те годы к этому относились так серьёзно, что многим ныне трудно даже представить.

Вот такие, кажется, несущественные мелочи сильно снижают общее впечатление о рассказе.

Хочется пожелать известному читателям «Лукоморья» и «Литературного меридиана» автору более ответственного отношения именно и прежде всего к деталям, памятуя о том, что литература – это искусство подробности.

Первые строки рассказа Жанны Райгородской «Предсказание» успевают напомнить рассказы А. Чехова, где словам тесно, а мыслям просторно, однако уже пятое предложение подобно ушату холодной воды. Невольно его перечитываешь, но убеждаешься: автор действительно так и написал:

«**Вылакав** всё до последней капли, рабочие построились парами...»

Конечно, появление в тексте рассказа слова «лакать» не случайно. Но, что хотел сказать читателю автор, применяя в отношении людей явно неподходящее слово? Попробуем разобраться.

Как известно, слово «лакать» в настоящее время произносится применительно к лицам, злоупотребляющим спиртными напитками (когда спиртное уже не пьют, а именно «лакают»). Вот в отношении животных, когда жидкость вбирается языком, как, например, делает собака, слово «лакать» уже не звучит на грани ругательства и будет вполне адекватным. Такой подход безоговорочно предполагают все современные толковые словари.

Но, возможно, Ж. Райгородская не слишком прислушивается к современным словарям. Она, как и многие авторы, больше доверяет, допустим, «**Толковому словарю живаго Великорусского языка Владимира Даля**», увидевшему свет ещё в позапрошлом веке. Этот словарь действительно допускает применение слова «лакать» не только в отношении животного, но и в отношении человека. Одна неувязка: В. Даль жил в 19-м веке, а рассказ «Предсказание» написан в веке 21-м. Кроме того, слово это при В. Дале долгое время произносилось через «о», т.е. не «лакать» а «локать». Совсем не случайно во вступительной статье к современному изданию словаря В. Даля А.М. Бабкин напоминает читателям, что словарь этот сильно устарел и его нельзя считать словарём современного литературного языка.

Наверное, можно было быть не столь многословным относительно одного слова (извините за тавтологию), но, мне кажется, здесь проявляется стремление Ж. Райгородской к художественной выразительности, что само по себе для любого автора вполне нормально, но поиск этой самой выразительности может приводить и к результатам нежелательным, о чем нам всегда следует помнить.

Далее, касаясь правильного применения отдельных слов и словосочетаний, нельзя не заметить, что автор рассказа «Предсказание» и к применению нормальных, не вызывающих недоумение слов порой относится небрежно.

«В супе из листьев редиски, – написано в рассказе, – островком желтела единственная **картошка**». Не «картофелина», а именно «картошка». Я не буду отсылать автора рассказа к толковому словарю, поскольку, хотя слово «картошка» и относится к словам разговорным, но всё-таки такое слово есть. Просто хочу отметить, что один клубень картофеля называется «картофелина», и в вышеуказанном предложении именно так и следует писать: «...островком желтела единственная картофелина»

Говоря о сюжете, нельзя умолчать о том, что, как и С. Шкляева, автор «Предсказания» очень свободно относится к временной канве своего произведения, к художественной достоверности описываемых событий. У Ж. Райгородской цыганка Зара в последние предвоенные годы учится в обычной русскоязычной школе. Автор также уверен, что в первые же месяцы войны жители оккупированных территорий

в обиходе называли немцев то «фрицами», то «гансами».

А ведь рассказ Ж. Райгородской не научная фантастика, когда можно выдумывать всё, что угодно. Её рассказ жёстко увязан с конкретным временем и конкретными событиями, происходящими в конкретном государстве, в данном случае в СССР.

Цыганская тема в нашей художественной литературе – своеобразная Terra incognita, и касаться её надо очень осторожно. О современной, а тем более о довоенной жизни цыган практически ничего не известно. Цыганские общины, состоящие в основном из лиц двух наиболее многочисленных этнических групп – *ловаров* и *кольдерари*, с давних, задолго до революции, времен по своей природе были откровенно асоциальны. Цыгане не желали становиться органической частью общества, они не работали и средства к существованию добывали, скажем так, не всегда «легитимными» способами, а дети цыганские в русскоязычных школах не учились.

Чтобы больше не возвращаться к данной теме, следует добавить, что попытки приобщения цыган к общественно-полезному труду в нашем государстве всё же были. В 1923 году на основе русского алфавита была создана цыганская письменность и появились цыганские школы, в которых учебная программа была адаптирована именно к цыганскому языку. Вот в такой школе, созданной исключительно для цыганских детей, действительно могла учиться Зара. Но и здесь имеется нестыковка. Дело в том, что, по сюжету рассказа, «предсказание Зары» имело место в конце 30-х – начале 40-х годов прошлого века, но к этому времени цыганских школ уже не было. Связано это с постановлением Совнаркома 1931 года «Об организации цыганских колхозов». Во исполнение этого постановления цыганские таборы окружали солдаты и всех лиц цыганской национальности гнали к железной дороге, откуда, погрузив в спецвагоны, вывозили на поселение в Сибирь.

Автор рассказа «Предсказание» допускает и другие досадные ошибки, свидетельствующие, что она лишь поверхностно знакома с тем, о чём пишет. Чего стоит хотя бы фраза: «Фрицы у Авдотьи разместились».

Мальчишки, не служившие в армии, да ещё живущие на оккупированной территории, не могли употреблять такие словечки, как «фриц» или «ганс». Гитлеровских солдат фрицами в начале войны не называли. Это слово появилось и стало применяться солдатами действующей РККА лишь в конце 1941-го – начале 1942 года, да и то не повсеместно. На оккупированную территорию эту презрительную кличку солдат вермахта принесли воины-освободители.

На многое ещё хочется обратить внимание автора. Например, совершенно не к месту появились в рассказе слегка изменённые широко известные слова премьера Черномырдина – «Геннадий Романович души не чаял в сыночке, хотел он как лучше, а получилось как всегда». Хочется спросить: что получилось и почему – как всегда, если сын у Геннадия Романовича только один?

Кроме того, автор рассказа (женщина, между прочим) вложила в рассуждения героя своего произведения – Генки Бреднева – очень типичные для некоторых представителей современности мысли о девичьей чести. Так, увидев одну из своих знакомых – Наталью «... в мешковатом выцветшем сарафане до пят, в бабкином платке, перемазанную золой», Генка подумал: «Гансов боится... Чёрт, но ведь можно не по-скотски, а по-человечески... За шоколадку, за мандаринку... Для кого она себя бережёт?»

Значит, если «ганс» затячит русскую девочку в кусты решать свои половые проблемы, но даст ей при этом шоколад-

ку, то это будет цивилизованно, по-человечески? Вот если он поскупился и шоколадки не даст, то это уже по-скотски!

Кто бы что сегодня ни говорил, однако воспитанный в советской школе молодой парень так о девушке думать просто не мог. Можно по-всякому относиться к Советской власти, но забота о духовном и физическом воспитании подрастающего поколения в то время была одной из первостепенных задач и решалась отнюдь не формально.

Кстати, при медицинских осмотрах русской молодёжи, предназначенной на угон в Германию, немецкие врачи были чрезвычайно удивлены фактом, что девичью невинность сохраняли практически все незамужние русские женщины.

Можно было бы коснуться и других недостатков рассказа, но, пожалуй, это уже принципиального значения не имеет, поскольку все перечисленные замечания и все незатронутые в этой публикации «проколы» имеют одну причину: недостаточное знание автором предмета изложения и недооценка необходимости отбора и изучения жизненного материала для художественного повествования.

Рассказ Ю. Любушкина «Ездовой Омельченко», по сравнению с рассказами С. Шкляевой и Ж. Райгородской, наиболее удачен. Автор знает, о чём пишет. По ощущению достоверности происходящего, по сопереживанию читателя с автором, возникающим в те или иные сюжетные моменты, по мелким деталям быта того отрезка времени, в котором живут герои литературного произведения, рассказ Ю. Любушкина выгодно отличается от двух других. В рассказе нет боевых эпизодов, единственная пулемётная очередь звучит со стороны немцев откуда-то издалека, но у читателя не возникает сомнения, что герои рассказа именно фронтовики, именно те, на чьих плечах лежит тяжёлая ноша войны. Неторопливыми пастельными мазками автор рисует запоминающуюся картину обыкновенных фронтовых будней. И уже не коробит слух, как в рассказе «Предсказание», слово «фриц», поскольку автор ненавязчиво даёт понять, что на дворе третья военная осень.

Вместе с тем есть, на мой взгляд, в рассказе спорный момент, который для современного читателя может и пройти незамеченным, но хочется быть объективным без изъятий.

Автор рисует своего ездового Омельченко с любовью. Солдат вызывает обоснованную симпатию у читателя. Но суровое время войны не давало скидок ни добрым, ни злым относительно нарушения даже воинского устава. А Омельченко не устав нарушил, его действия, когда он, «кляцнул затвором, досылая патрон в патронник, и ткнул в лоб ошалевшего от такого оборота солдатика чёрным обрезом ствола», однозначно квалифицируются как воинское преступление.

При таких обстоятельствах, когда «добрый» майор, отчитывает не менее «доброе» старшего лейтенанта за вышеуказанный случай, благодушно полагая, что «особист, стерва», может ничего о ЧП на батарее не узнать – сказка для несведущих. Особист узнает, причём узнает обязательно. А если майор и старший лейтенант попробуют утаить факт совершения преступления, то оба офицера пойдут под трибунал, а оттуда в штрафной батальон. Ездового Омельченко, в свою очередь, ожидает штрафная рота.

Автор рассказа, судя по тексту его произведения, своего рода эрудит. Он хорошо понимает, что ездовой неминуемо проведёт определённое время в штрафном подразделении. Но Ю. Любушкину очень хочется уверить читателя, что на войне всё бывает и солдату Омельченко удастся избежать наказания. Что ж, вряд ли кто из прочитавших рассказ осудит автора за это!

Демография Барака

«Православный вестник Приамурья», № 1 (96), апрель 2009/

Протоиерей Максим ОБУХОВ,
руководитель православного
медико-просветительского
центра «Жизнь» г. Москвы

После прихода к власти Барака Обамы начнется новая волна вмешательства во внутренние дела нашей страны, попыток контролировать демографические процессы из-за рубежа.

Для многих сообщения о первых указах американского президента Барака Обамы, касающиеся снятия запрета на финансирование деятельности организаций, пропагандирующих аборт, прошли незамеченными, как нечто, относящееся не к нам, а к заокеанским делам. На самом деле то, что сейчас произошло в США, имеет связь с российскими интересами и непосредственно затрагивает сферу национальной безопасности нашей страны.

История этих решений такова. В США существуют, условно говоря, две крупные партии: «Pro-life» и «Pro-choice». Они не являются партиями в буквальном смысле этого слова, но сменяют друг друга, подобно маятнику, а тема абортов очень политизирована.

«Пролайф» (за жизнь) выступает в защиту жизни нерожденных детей и находится под влиянием различных религиозных организаций. Многие пролайфисты в этой стране не только католики и протестанты, но и православные.

Движение «Pro-choice» (за выбор) выступает за убийство нерожденных детей и активную роль государства в контроле над рождаемостью. Наиболее известными предшественниками этих идей были фашисты, которые считали, что государство обязано осуществлять контроль над рождаемостью низших рас. Под низшими расами подразумевали в первую очередь славян и некоторые другие народы. После того, как Третий рейх закончил свое существование, идеи государственной антидемографической политики активного контроля над рождаемостью не погибли в бункере вместе с бесноватым фюрером и его сообщниками. Они продолжали жить.

«Pro-choice», или «Планировщики семьи»

Западная элита обратила свое внимание на то, что Западная Европа и США потребляют абсолютное большинство природных ресурсов Земли. Но если другие страны начнут развиваться и стремиться к таким же стандартам жизни, то ресурсов на всех уже не хватит. Так родилась идея «Золотого миллиарда». За годы существования движение «Pro-choice», а также наиболее одиозного его представителя – МФПС, Международной Федерации Планирования Семьи (IPPF), имеющей филиалы в 186 странах мира, выработалась целая система мер по сокращению рождаемости.

Из наиболее ярких документов сторонников борьбы с населением – материалы Каирской конференции (от России ее представляла и подписывала итоговые документы Валентина Матвиенко, нынешний губернатор Санкт-Петербурга) и секретный в прошлом документ план NSSM-200, меморандум национальной безопасности США.

Эти циничные документы являются руководством к действию для проведения активной демографической политики за рубежом, в первую очередь в странах, богатых минеральными и энергетическими ресурсами, особенно углеводоро-

дами. IPPF (МФПС) охватила своими щупальцами весь мир, в том числе Россию. В России филиал этой организации называется Российской ассоциацией планирования семьи (РАПС). Причем из 44 (!!!) региональных отделений РАПС одна треть приходится на Сибирь, что, конечно, не случайно.

Российская ассоциация планирования семьи

РАПС существует при поддержке влиятельных международных организаций, многие из которых спонсируют ее вредительскую деятельность: Фонд Ноу-Хау при Правительстве Великобритании, Шведское агентство международного сотрудничества и развития, Агентство международного развития США, Университет им. Джона Гопкинса, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Международная федерация планирования семьи Детский фонд ООН, Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макатуров Национальные ассоциации планирования семьи европейских стран, Фонд ООН по народонаселению, Европейское сообщество, Всемирная организация здравоохранения (информация с сайта РАПС).

Общественные организации-партнеры в России

Международный фонд «Охрана здоровья матери и ребенка», Российская федерация детских и подростковых гинекологов, Российская ассоциация акушеров-гинекологов, Российская ассоциация по профилактике инфекций, передаваемых половым путем, «Санам», «СПИД инфосвязь», Союз женщин России, Движение женщин России, Консорциум женских неправительственных объединений, Российское общество по контрацепции, Ассоциация работников социальных служб, Демографическая секция Центрального дома ученых РАН, Международный женский центр «Будущее женщины».

Если ознакомиться с продолжением списка «партнеров» РАПС, опубликованным на их сайте rfpa.ru, то он вызовет еще большее удивление.

Американский маятник

Но вернемся к ситуации в США. Во времена президентства Клинтона США спонсировали программы по подавлению рождаемости в России. В это время осуществлялось беспрецедентное вмешательство в суверенитет России, Украины и других стран. Иностранные фонды проводили активную демографическую политику в нашей стране. После прихода Буша к власти выросло влияние движения «Пролайф», которое заблокировало выделение государственных средств организациям, занимающимся внедрением планирования семьи, особенно в виде т.н. «полового воспитания» детей. Благодаря сдерживающей роли Американского пролайфа, их активность несколько ослабла, что дало нам небольшую передышку. Не исключено, что это было одной из причин пусть небольшого, но увеличения числа рождений в последние годы.

После ухода Буша политическая ситуация в США складывается наиболее благоприятным образом именно для «планировщиков». Так, по мнению многих аналитиков, лоб-

бирование управленческих решений, направленных против детей, активно продолжит Хилари Клинтон, ставшая вторым человеком в администрации Барака Обамы.

Барак немедленно сделал несколько громких заявлений, из которых следует, что новая администрация будет выступать против рождения детей и против семьи как таковой (в нашем понимании). Ожидается, что на программы по сокращению рождаемости будет выделено порядка миллиарда долларов, то есть беспрецедентная сумма. Часть этих денег будет потрачена на борьбу с семейными ценностями в самих США, часть – в других странах и обязательно в России.

При этом вред самой Америке будет нанесен не столь сильный, как другим странам. Дело в том, что, несмотря на проигрыш этих выборов партией республиканцев, движение «Пролайф» остается очень влиятельной силой, которая уравнивает на общественном поле усилия тех, кто ведет борьбу против семьи, выполняя роль иммунитета. Но это в США. Что же касается «экспорта» в другие страны мира, то это будет «Pro-choice». Америка уже в ближайшие дни станет основным донором организаций, выступающих против рождения детей и против семьи.

Экспорт «услуг» по подрыву демографического потенциала страны будет осуществляться через посредничество нескольких фондов, скорее всего ЮНЕСКО, Фонд Народонаселения ООН, т.н. «антиспидовские программы», «Ювента», программы по растлению детей, начиная с детсадовского возраста. Например, нашумевший проект «Половое воспитание российских школьников», внедренный при участии Екатерины Паховой и Минздрава, осуществлялся от имени Фонда народонаселения ООН. Главной своей мишенью борцы с семьей сделали детей. Доходило вплоть до развратных действий над детсадовскими детьми. Так, родители в Петербурге в свое время подали в суд и выиграли его. Причиной было именно разращение дошкольников, причем практически все это инспирировано из-за рубежа.

Свидетельства американцев

Антисемейная активность в ближайшие дни оживет с новой силой. Все организации, которые немного притихли, кто от нехватки денег, кто от давления родителей и судебных исков, получают второе дыхание. Начнется новая волна вмешательства во внутренние дела нашей страны, попыток контролировать демографические процессы из-за рубежа.

Об этой опасности нас предупредили сами американцы. Президент организации Human Life International, американский католический священник Том Ойтенойер выступил с открытым письмом, в котором предупредил: «Как президент международной организации pro-life, я езжу по странам развивающегося мира и вижу людей, пострадавших от наиболее разрушительного «предмета экспорта» США: нашей извращенной идеологии «pro-choice», которая теперь маскируется под именем «репродуктивного здоровья» для того, чтобы ввести в заблуждение политиков бедных стран. Поддерживая такое «репродуктивное здоровье», мы, американцы, сообщаем всему миру: мы считаем, что ваши экономические и социальные проблемы можно было бы решить, будь вас меньше. Такое отношение – не что иное, как классический элитаризм, винящий бедных в их бедности и стремящийся решить проблему бедности путем устранения бедных. И сейчас мы опасно близки к тому, чтобы вложить в это миллиарды долларов». Обратите внимание, это пишет руководитель одной из крупнейших и влиятельных американских органи-

заций! Фактически, Том Ойтенойер призвал нас противодействовать усилиям его правительства, направленным против семьи.

Он же приводит и свидетельство одного соотечественника Обамы, доктора Stephen Karanja, главы Ассоциации католических врачей той страны, где родился отец Барака Обамы, который сказал по поводу грядущей войны США против детей развивающегося мира следующее: «В Кении Обама известен как человек, настроенный против института семьи, как человек, поддерживающий аборт...»

Чего не понимают многие люди, так это того, что американцы влияют на жизнь людей в тысячах километрах от США. Правда заключается в том, что они наделили скверного человека самой большой в мире властью и поставили под угрозу людей, не являющихся американцами».

Что делать?

Все, что сейчас происходит и произойдет в ближайшие месяцы у нас в стране, не может нас не волновать, тем более что в народе (большой его части) только-только начало складываться мнение о необходимости поддержки семейных ценностей. Остается также надеяться, что те органы, которые должны следить за спонсируемыми из-за рубежа некоммерческими организациями, будут выполнять свою работу. Необходимо активизировать деятельность всех общественных движений, которые ставят своей задачей защиту детей и нравственного здоровья. За каждой школой должен быть установлен общественный родительский контроль, причем в случае внедрения РАПСовских и прочих программ родители должны немедленно подавать в суды, выигрывать их и добиваться замены руководства. Все инциденты, связанные с принуждением пациенток к абортам, стерилизации, растлением детей, не должны поощряться нашим псевдосмирением, точнее сказать, безразличием, а встречать организованный отпор.

В этой ситуации необходимо сотрудничество с оппонентами Барака Обамы и Хилари Клинтон, которые знают эту ситуацию изнутри лучше нас и зачастую готовы помочь. Многие из них не отказываются приехать в Россию и выступить по существу и со знанием дела. Необходимо также поддержать хорошо себя зарекомендовавшую общенародную организацию «Родительский комитет», которая уже имеет отделения по всей стране.

Давно назрела необходимость поднять вопрос о соответствии деятельности РАПС российскому законодательству. Эта организация, подконтрольная иностранному влиянию, выступает против семьи, поощряет и рекламирует аборт, стерилизацию, а потому должна быть закрыта, но закрыта не с последующей перерегистрацией под другим названием, а навсегда. Должны быть перекрыты все источники финансирования всех, кто выступает против семьи, против рождения детей.

Пока ситуация с РАПС абсурдная: мы ловим британских шпионов, закрываем Британский Совет, а организацию, которая спонсируется из Лондона и работает в наших больницах, роддомах, растлевает детей, считаем чуть ли не благотворительной. Причем многие англичане говорят примерно следующее: «Закройте у себя РАПС, наше правительство спонсирует разрушение семьи в других странах, мы против этого». У МФПС в самой Великобритании множество противников, которые понимают, что подобная деструктивная деятельность только ухудшает отношения с другими странами. У нас в России этого попросту не хотят заметить, хотя давно уже пора им сказать: «Уйдите по-английски, не прощаясь» и по-русски: «Скатертью дорога!»

О ЧЁМ ПОВЕДАЛ «СИХОТЭ-АЛИНЬ»?

У книжки этой роднящее название: «Сихотэ-Алинь». Дальневосточный альманах за 2008 год. Похоже на эксклюзивный выпуск. На красивой, впервые цветной обложке величаво разлеглись покрытые сочной зеленью горы хребта, получившего в 2001 году статус Всемирного наследия России. А небо на обложке такое голубое и чистое... Что же там, под обложкой?

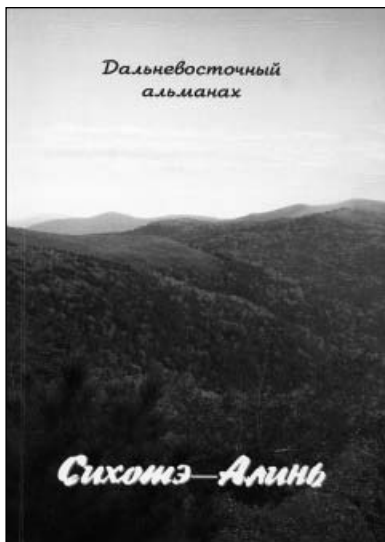
Начинаю с оглавления. Примеряюсь. Пробегаю по первым и последним страницам. Альманах издаётся совместно с Морским государственным университетом, обозначена высокая планка требовательности и профессиональный подход к делу. Крупнейший на Дальнем Востоке вуз считает своей неотъемлемой обязанностью «участвовать в культурной и литературной жизни». В заключительной статье работник библиотеки имени А.М. Горького Нина Иванцова озадачена литературной жизнью края, приморской глубинки и деятельностью двух приморских отделений Союзов писателей.

Это не похоже на лакировочную литературу, и я сажусь поудобнее, потому что надолго. Читаю не по порядку, а как душе угодно.

Какое красивое у рубрики название: «Русский глагол», а в ней – «Заветы родного слова» Владимира Тыцких, так тепло и нежно говорящего о своих земляках-поэтах. Три имени я уже знаю: Павел Васильев, Вячеслав Протасов, Василина Орлова. Они для меня определённо родные по духу и значимые по величине. Я очень рада встретиться с ними вновь. Евгений Курдаков и Юрий Плеслов – моё очередное открытие. Как здорово сказано обо всех: «Они не уместятся здесь во весь рост». Владимир Михайлович очень щедрый. Всем, самым дорогим, что есть в душе, делится с читателем. Причём заранее неизвестно, какотреагирует читатель. Но абсолютный поэтический слух и обострённое чувство истины не позволяют писателю молчать. «Народ должен знать своих поэтов... они помогают жить».

Как позвать читателя услышать прекрасную, трепетную песню, которую они будто вынули из небес и поведали нам? Владимиру Михайловичу удастся: «Это всего только лёгкое прикосновение, только благодарный, печальный и счастливый взгляд в их сторону, приглашающий поглядеть на них, запомнить хотя бы одну строку, преклониться перед их именами». Здесь же рядом, на соседних страницах, ждуть встречи те самые стихи, начинённые таким смысловым и чувственным зарядом, что, натолкнувшись, целым не останешься! Сотрясёшься каждой своей клеточкой и если соберёшься обратно, то будешь уже другим.

Читаю «Песню» Павла Васильева и замираю, почти цепе-

нею от яркого образа, как-то мистически созданного самыми простыми словами: «В чёрном небе волчья проседь, И пошёл буран в бега, Будто кто с размаху косит И в стога гребёт снега/...Шла берёза льда напиться, Гнула белое плечо». Как не запомнить и сразу не полюбить эти строки! Стихотворение «Тройка» творит со мной чудеса – я слышу лошадиный храп, вижу «морды в пенных розах», нетерпеливый «коренник» передо мной «стальными блещет каблуками» и ржёт: «В его глазах костры косые, В нём зверья стать и зверья прыть, К такому можно пол-России Тачанкой гиблой прицепить!» Я ощущаю мороз и ветер, безумно люблю «хмельную» русскую тройку и забываю, что сижу на обыкновенном стуле в тёплой комнате. А как можно было придумать

такое: «Ведро серебряного ржанья Подставишь к мордам – наберёшь»?! В стихотворении «Палисад» картины совсем иные, но не менее яркие: «Близость тонких загорелых пальцев, Теплота порозовевших щёк!.. На траву отброшенным остался Позабывтый ситцевый платок». Просто не могу процитировать тёплые и точные строки о поэте, в которых уже всё сказано: «Его поэзия выпукла, зрима, обладает вкусом, цветом и запахом...». Слова «роскошествуют», зовут почитать ещё и ещё. Я думаю сразу о многом. В том числе о стране, рождающей и убивающей своих поэтов. Люблю и ненавижу одновременно. Благодарю литературу за «возвращение» Павла Васильева «из небытия».

Перехожу к следующему поэту и грущу оттого, что узнаю его только сейчас. А ведь Евгений Курдаков так самобытен: «Земля здесь свободна от всяких излишеств, От трав и деревьев, от птиц и зверей. Корчевье – харчевня бульдозерных пиршеств, Безмолвное вече исчервлённых пней./...Распаханы насмерть и насмерть забыты Прелюды синиц и цветов пастораль». Чтобы так увидеть, надо обладать далеко не заурядным внутренним взором и сердцем, которое кровью откликается на крушение гармонии! Исковеркана не только земля – душа человеческая перепажана. Следующие строки ну просто необыкновенны: «Текут столетья тяжко, но безгневно, Над памятью, где, сдерживая грусть, Чесна вдова Омелфа Тимофевна Из рукавов вытряхивает руть». По словам Владимира Тыцких, у Евгения Курдакова «Всё – вечное... Рядом, вровень с вечностью – только душа».

Стихи другого поэта – Юрия Плеслова – с первых строк приходятся по сердцу: «Ромашкой пахнущие руки... глаза, зовущие из тьмы. А холод – это только трюки, игра зимы. Игра зимы». Я начинаю верить, что на казахстанском Алтае земля действительно «особая», и «поэзия предстаёт в таких неожиданных образах, что кажется – рождается за-

ново». У Юрия Плеслова стихи разные. «О деревне стихи хороши: петушинно распевны, хлебасты...». Город в них живёт, «расфырвав шёпот рек по ваннам, а воздуха – под шум поршней». И конечно, вечная тема: «Брожу и брежу в колготке вокзала и хлеб крошу голодным голубям; мне в истязанье память навязала твои слова, увезшие тебя». Или вот такими штрихами всё о том же: «И поделом. Перегнали, перестеснялись в мелочах... Порхнут растопкою в печах наметки дерзкой акварели».

Пусть поздно, но встреча с поэтом состоялась, и я ничуть об этом не жалею. «Своих» на земле для меня стало больше.

Что касается произведений Вячеслава Протасова, то они уже стоят у меня на полке, я точно знаю их адрес – только руку протяни. Прикоснувшись к ним однажды, я ношу в душе многие строки. Как здорово сказано: «Протасова слушают жадно и сразу прижимают к сердцу». Я не исключение. Он попадает в моё сердце каждой своей строчкой, но особо мне дорога вот эта: «... Без любви жить не стоит и вовсе – это всё, что я в жизни узнал». Таких нетленных, на мой взгляд, строчек у Вячеслава Протасова очень много, и хочется цитировать все подряд. Он точен и поразителен во всех своих стихах, бесконечен в глубину и высоту – возможно, я повторяю чьи-то слова, но это так верно!

И, наконец, о Василине Орловой. Василина отличается от других поэтов, сама от себя и от своего поколения. «В эту хрупкую почти девочку как будто вживлено невыключаемое устройство, предназначенное для того, чтобы сказать необходимое слово о времени»: «но выпал снег, река застыла, и мной пойдут – так может статься. и пешке холодит затылок касание незримых пальцев». Чтобы так говорить, надо быть очень взрослой, старше своего времени. Даже в стихах, относящихся к «рядовому-бытовому фрагменту жизни», судьба Василины переплетается с судьбой страны. «Сколько в этом – от судьбы одного человека и сколько – от нашей общей судьбы. Одна в другой отражается, одна в другую перетекает».

Продолжая разговор о стихах, хочу сказать, что в рубрике «Поэзия» можно наткнуться на весьма интересные строки Михаила Гутмана и Елены Елагиной. Но с особым трепетным чувством обращаюсь к творчеству очень любимой мной поэтессы Галины Якуниной, где каждая строчка удивительно мне близка и при этом необыкновенно красива. «Чувство детской вины Настигает опять: Как душе объяснить, Чтоб молчала, Не смела Даже помнить о том, Что умеет летать?» Совершенно потрясает стихотворение о собаке: «Но, читая с лица, пес поймёт: виноват. В том, что стар, в том, что жив – даже смерти не нужен...».

Разговор далеко не о собаке ... Образы у Галины Якуниной порой необыкновенны: «Ветер туман разорвал На пелёнки». Под пристальным человеческим взглядом и силой таланта в стихи превращается всё, что попадает на пути: грешный мир, нелюбимые дети, одинокий безумец кит и даже тополь на крыше... «Дно колодца-двора колыхалось в пяти этажах, Но тебе, сироте, небеса были ближе... Не корнями за почву, а сердцем за лучик держась, рос спасёныш нечаянный – тополь на крыше». Задумаешься: через какие тернии должна пройти душа, чтобы стать такой болезненной и полниться любовью к миру, почти неземной...

«А пока, – как говорит Владимир Тыцких, – почитаем своих поэтов. Они глубже нас чувствуют прошлое, внимательней и пристальней к настоящему и больше знают о грядущем».

Я же сейчас думаю о том, что альманах попал в мои руки совсем не случайно. Обойдя множество полок с поэзией в книжных магазинах и полистав красивые экземпляры с хрустящими белоснежными страницами, я вернула их на место скучать и любоваться собой. «Сихотэ-Алинь» же пристроился в моей небольшой сумке, вытеснив оттуда ряд нужных предметов, не отстаёт и не отпускает, смыкает страницы до утра на столике прикроватного торшера.

И так хочется поделиться ещё кое-чем из того, что он мне доброжелательно поведал.

Передо мной «Похвала АзБуКе» Валентина Курбатова. Равнодушно не пролистаешь. Впрочем, что я говорю – она вызвала у меня восторг и изумление! Как на таком вроде бы нешироком пространстве смысла развернулась жизнь народов, принявших азбуку из рук Кирилла, который «не только слышал азбуку, как молитву», но и «видел её, как икону». Азбука складывалась «в горячо движущемся, молодод становящемся мире, когда слово было ещё небесно... Слово было ещё у Бога и было Бог». С тех времён каждая буква прожила свою удивительную жизнь до «Октябрьской» и «Советской азбуки». И удивляемся мы сейчас старой буквице, «потому что мы её из контекста жизни вынули, из света дня, из узорочья бытия». По словам Валентина Курбатова, «азбуки – это ... наш благородный акростих, наименовавший небо и землю и «вся яже в них» в благодарность за возможность однажды увидеть сад жизни и рассказать о нём». Вспоминаю я сегодня простенькие буквы своего школьного букваря и жалею их теперь за то, что потеряли они свои «цветные платья», что не видим мы в них отличий. А ведь у букв, как у людей, разные судьбы: одни «разойдутся по парадным страницам сотен великих книг, а другие, как бедные и немые мягкий и твёрдый знаки, так и не сподобятся ни разу возглавить строку, дожидаясь полной азбуки, чтобы мелькнуть хоть на своих вечно ссыльных местах в середине и конце слова». Ну как устоять перед такой метафорой и не улыбнуться! И как не поискать в себе «внутренней тишины и настоящего удивления», чтобы разглядеть лицо каждой буквы и осознать бесценность этого небесного дара, имя которому АзБуКа.

И вот зазывает меня эта самая АзБуКа всё дальше и дальше в рубрики альманаха. Иду на голос заголовков и с любопытством открываю «Критику и библиографию».

Известно, что у критики в литературной жизни особое место; и зависит она от настроения времени сильнее, чем сама литература. Следую за названием, мимо которого трудно пройти: «Смерть романа» Олега Копытова. Читаю предсмертный диагноз: «русской литературе сегодня плохо... Экранная визуальная цивилизация, которая в очень малой степени культура, всё теснит и теснит подлинную культуру... Вот-вот, на эту тему я очень хочу услышать. Если ты ещё читаешь, то «что читать»? Олег Копытов даёт подсказку: «Можно классику и только классику. Проверенное временем...» Я задумываюсь, но автор, словно угадывая мои вопросы, продолжает: «Но только хочется ведь жить с веком наравне... Сегодня жить хочется». За это последнее – спасибо. Совпадает с моим мироощущением.

Далее критик абсолютно чётко констатирует факт разделения литературы на две: литературу «культурного запроса», которая ушла в подполье, самиздат, малый тираж..., а «правит бал» и ежедневно воспроизводится тоннами «литература массового спроса, которая совсем и не литература...». А что же такое литература? Свой ответ на этот вопрос у Олега Копытова тоже есть. В литературе обяза-

тельно должно присутствовать «романное мышление», которое сейчас уходит из русской литературы. «Романное мышление» – это «темы жизни и смерти, любви и творчества, противостояния человека вывихнутому миру». Оно «может присутствовать и в стихотворении, и в новелле... Романное мышление есть просто сверхзадача». Без сверхзадачи нет литературы.

«А писатели сегодня грызутся меж собой... и не печали, а печати делят и шкуры неубитой славы, и клянут Интернет с телевизором».

Вот таков взгляд критика на болезнь современной литературы. Как её лечить – неясно, но правильный диагноз – это уже надежда. Попробуем хотя бы осмыслить происходящее и, может быть, тогда все вместе не потеряемся в этом самом «вывихнутом мире».

Возможно, иной читатель найдёт в книжке другие интересные для себя темы, обратившись к тому, чего я не успеваю коснуться. На страницах альманаха готовы вступить в разговор Юрий Кабанков, Андрей Хвалин, Виктор Бусаренко, Василий Самотохин, Татьяна Кирияка, а также Светлана Кекова и Людмила Берестова. «Сихотэ-Алинь» собрал под красивой обложкой ряд прекрасных «опорных» имен, доверяя читателю в его стремлении к красоте и истине. Да и со «сверхзадачей» в нём, по-моему, всё в порядке.

А ещё он подарил мне приятную встречу со старой знакомой – «Марьяной нашей старости» Бранки Такахаша. Иронично относиться к неизбежной человеческой перспективе – старости – предлагает рассказ, который я полюбила с первой встречи в книжке «Первые 37». Купила когда-то эту книжку с несколькими рассказами на четырёх, кажется, языках ради одной «Марьяны...» на русском.

Напоследок же хочу сказать о том, что лично мне в альманахе понравилось больше всего. В рубрике «Проза» нам подарена возможность прочитать повесть Владимира Тыцких «Ещё не старые лошади».

Конечно, это далеко не только о лошадях.

Хотя лошадики, с помощью которых ставится та самая сверхзадача, – такие живые! Как хочется погладить по гривке оставшегося без матери жеребёнка, который «неохотно пошамкал соску... носился внутри глухого забора заставы... подбрасывая тощеньким задом. Пронзительно ржал – будто плакал». Непогодь, в которой происходят события, ощущается так зримо, что очень хочется скорее закутаться в сухое тёплое одеяло: «Ветровое стекло заливают водой, «дворники» не успевают её слизывать. Размытая, колеблющаяся, прыгающая дорога...». Действительность в повести такая настоящая, что я физически ощущаю езду на машине, «проминаж по сопкам», «парилку с дубовыми веничками»...

Лишь истинный мастер может заставить читателя задержать дыхание на протяжении всего рассказа и выдохнуть только на последней точке, почувствовав себя совершенно измотанным, с мокрыми глазами и не в силах избавиться от пережитого. Повесть начинена глубоко человеческим и вечным, будучи повестью о нашем сложном времени.

Одна из главных тем сквозит через всё:

«– Ты думаешь, это любовь?! Ведь не так же всё должно быть, а?»

Ответ на поставленный вопрос можно уловить, если внимательнее присмотреться к героям.

Но самая интересная тема в повести, на мой взгляд, – это выбор человека между добром и злом. С ней тесно связа-

на тема прощения. Сам ли человек делает выбор навстречу злу или обстоятельства делают его такими? Можно ли противиться обстоятельствам?

Главный положительный герой – в военной форме. Это символично и справедливо. Чувствуешь его внутреннюю силу и понимаешь: с таким не пропадёшь. При этом Матушкин – доброта и великодушие. А произрастают эти добродетели из его детства. В очередной раз понимаешь, что многое в человеке из детства:

–...Пойду за Бойцом. Ему же плохо... кроха совсем, без мамки... Пусть хотя бы в сенах побудет. Он же души живые чует рядом или нет?»

Понятно, что и сам Матушкин чует живые души, поэтому в лошадином ржание слышит «небывалую радость» и «невысказанную боль». А когда видит «вытоптаный круг голой земли без единой травинки», трёх «худющих, ...с торчачими рёбрами» лошадей, «...коротко привязанных к обглоданному стволу берёзы», то не может сдержаться.

«Матушкин беззвучно заплакал: на окаменевшем лице вздулись желваки, и слёзы потекли по щекам.

Оба жеребца стояли с поникшим, безучастным видом, не ожидая от людей ничего хорошего. Наташа замолчала, страшно рванулась навстречу хозяину, попыталась подняться на дыбы, но бессильно упала на ноги и замерла. Огромные глаза подёрнулись влагой».

А дальше – такой немислимый разворот в душе у Матушкина, который возможен только в поистине загадочной русской душе!.. Он чувствует «маленькую признательность... человеку, которого он... вот только что готов был убить». Более того, прапорщик снисходит до наставления (спасения) заблудших душ, правда, в очень своеобразной форме. Главное, что в результате, «Кравченко, воспитанный ещё другим временем», и «молодой Мухин, произведение нового мирового порядка» раскаиваются. «Кравченко... – закричал... Никогда больше воровать не будем...! Век за вас молиться буду, дай бог здоровья вашей лошадке!..»

Так завершился день седьмой с того самого времени, когда два исправимых вынужденных негодяя разлучили Матушкина с его кобылкой Наташей.

Если бы время можно было остановить! Вот так взять, – и остановить на этом счастливом моменте...

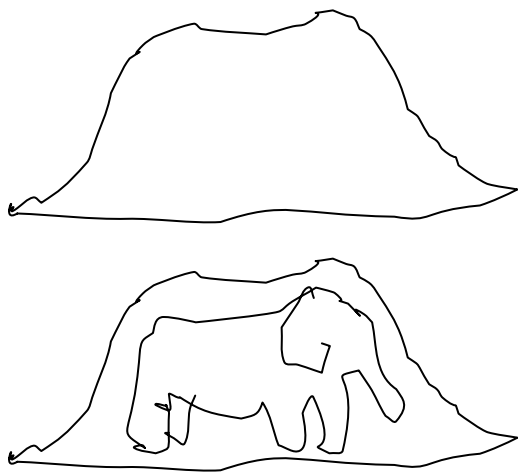
События, происходящие в повести через несколько лет, ведут в перестроечные годы, из которых старший прапорщик Матушкин смотрит совершенно «печальными глазами». «Сейчас и за человека страшно, не то что за животное безответное, да... Теперь уж собачек бомжи подъедают, что о лошадях говорить... Тень легла на лицо Матушкина».

А «маленький чёрный жеребёнок с «белым чулком» на задней правой ноге» носится теперь по страницам этого рассказа, не ржёт, а плачет, как ребёнок. «Совершенно не старая... обессилевшая лошадь» ползёт куда-то вверх, упав на колени и до крови сдирая кожу... из чёрных лошадиных глаз катятся слёзы...»

В 1839 году В.Г. Белинский писал в «Отечественных записках»: «Мы живём в страшное время, судьба налагает на нас схи́му, мы должны страдать, чтобы нашим внукам легче было жить...». Интересно, что бы он сказал о нашем сегодняшнем времени? И на сколько лет или веков он ошибся?

Игры, в которые играют взрослые

Что наша жизнь? Игра! И люди в ней – актеры. В эту встречу с тобой, мой читатель, хочу предложить тебе взглянуть на взаимоотношения людей с не совсем привычной стороны. Это сравнимо с тем, как у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце», с умением увидеть в этом рисунке не шляпу, а слона, которого проглотил удав.

Каждый, мой дорогой читатель, хоть раз в жизни, но ощущал себя играющим роль в каком-то представлении в режиме реального времени. Будь то скандал на работе, ругань с соседями или перебранка с наглой продавщицей.

Роли наши различны, причем из одной мы плавно можем переходить в другую, совершенно противоположную по сути.

Почему люди играют в социальные ролевые игры? Одна из причин игр – люди боятся открытого общения. Часто человек не решается явно попросить о чем-то или задать вполне конкретный вопрос, потому что боится получить отказ (в детстве отказ мог сформировать комплекс неполноценности) либо опасается стать в глазах окружающих изгоем. В таких играх происходит своего рода зарабатывание очков против оппонента, и межличностные отношения рассматриваются как постоянное соревнование, состязание, которое может перерасти в настоящие войны. Хочется привести пример из телевизионного сериала (не отличающегося, на мой взгляд, высоким культурным содержанием, но отражающим социальный уровень общества) «Счастливы вместе». Героиня, Даша Букина, устроилась на работу, а ей это совершенно не нравится. И мужу, Гене Букину, она об этом ни за что не скажет. Но не потому, что всей душой стремится помочь главе семейства пополнить семейный бюджет! А потому, что ей нужно вынудить Гену попросить ее, Дашу, бросить работу и сидеть дома. Ведь тогда он не сможет упрекать ее за безделье, так как сам уговорил ее не работать. Ибо больше всего на свете Даша любит сидеть дома у телевизора.

Игры – это замена подлинной душевной близости и серьезная угроза этой близости.

В свете этих слов, мой читатель, особенно актуальны сло-

ва Н.В. Гоголя: «Если бы люди были искренними, они бы лучше понимали друг друга».

Вот каково мнение психологов насчет побуждения играть: одной из причин того, что люди прячут свои истинные проявления чувств и желаний, являются социальные предубеждения. Вот пример женской линии: «У мужчин на уме только одно: секс». Это предубеждение может породить еще одно убеждение (часто существующее независимо от данной ситуации): «Секс – это плохо (грязно, греховно и т.п.)». Дальше по логике следует вывод: «Значит, мужчины, желающие этого, – плохие люди».

А вот пример мужской линии: «У женщин на уме только одно: деньги». Далее по такому же механизму следует умозаключение: «Но много денег заработать в нашем обществе невозможно (сложно и т.д.). Значит, либо я слаб и никчем, либо женщины, требующие этого, – сволочи». Эти предубеждения являются причиной бытующих мнений, которые могут приобрести такие крайние отрицательные формы: «Все мужчины “козлы”», «Все женщины “стервы”».

К мнению специалистов могу добавить следующее. И женщины думают о сексе, и мужчин интересуют деньги, только представители обоих полов особенно преуспели в играх на тему «Деньги и секс».

Не играть невозможно, мой читатель, так же, как невозможно не обманывать. И тот, кто утверждает, что «никогда не врет», на самом деле уже солгал! Чудесный исполнитель своих обязанностей по вовсе не начальственной должности дома может оказаться маленьким князьком, таким домашним узурпатором. Строгий папаша, отчитывающий сына за непослушание, рядом со своей мамой (бабушкой) играет в маленького мальчика. Покупатель, сравнивающий вслух одинаковый товар у двух продавцов, играет с ними в игру «Сделай скидку». Продавец, располагающий дорогой товар на уровне глаз, а тот, что дешевле – на тех полках витрины, с которых этот товар нужно потрудиться достать, играет с покупателем в игру «Купи ненужное». И так во всем и повсюду, мой дорогой читатель!

Когда близкий человек обращается к тебе со словами: «Сходи за хлебом!» – он выступает в роли Родителя. Ты можешь примерить роль такого же Родителя, ответив: «А почему бы тебе не сходить за хлебом?!» – и последует, как минимум, перебранка на тему «Кто больше занят в данный момент». А можно сыграть роль Ребенка, ответив: «Да, я схожу за хлебом. А ты потом поможешь мне разобраться с моей проблемой?» Тем самым можно избежать ненужного выяснения отношений между близкими людьми, а играющему роль Родителя ненавязчиво предложить выбор действий (сходить за хлебом самому или выполнять ту работу, которую, возможно, он не осилит).

Ну что ж? Какую бы роль ты ни принял играть, мой читатель, желаю, чтобы тебе она нравилась и помогла добиться успеха! Главное, не играй в игры без правил и не потеряй самого себя.

АННА АХМАТОВА: О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО...

К 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой (род. 24 июня 1889 г.)

...В этой книге – «Об Анне Ахматовой» (стихи, эссе, воспоминания, письма...) опубликованы стихи о ней, стихи, посвящённые ей, воспоминания тех, кто знал её годами, десятилетиями, постоянно с ней общался, разговаривал на различные темы, здесь же и воспоминания тех, кто был едва знаком с ней.

Я же остановлюсь на воспоминаниях только Михаила Ивановича Будыко – члена-корреспондента Академии наук СССР, который познакомился с Анной Ахматовой (далее – А.А.) в 1962 году, встречался с ней 15 раз и подолгу беседовал. Впрочем, это даже не воспоминания, а пересказ её воспоминаний, размышлений и отдельных высказываний, которыми она делилась с Будыко.

Меня эти записи привлекли тем, что через них А.А. воспринимается многогранно и как поэт, и как женщина, и в целом как человек, с которым иногда (мысленно, конечно) не соглашаешься, с которым возникает желание поспорить.

Здесь я привожу лишь фрагменты из характерных высказываний А.А., которые, как я посчитал, могут быть интересными не только для меня, но и для читателей «ЛитМ». Кроме того, в скобках даны мои комментарии, краткие пояснения и реплики. Отдельно даны примечания и самого автора записок – М. Будыко. Важными являются и следующие его пояснения: «Мне удалось прочесть несколько других записей разговоров с А.А. Сравнивая эти записи, можно видеть, что как общий характер высказываний, так и отдельные сведения иногда совпадают, но часто заметно отличаются. Это не следствие её забывчивости, а скорее – результат способности женщины с живым воображением изменять свои взгляды под воздействием впечатлений данного момента... и в зависимости от её отношения к собеседнику...»

В. Самарский

О книге «Вечер» (1-й сборник стихов А.А. – 1912 г.).

...Стихи писала с детства, но эти стихи были очень плохи. Н.С. Гумилёв критически относился к ранним стихам и вообще считал, что жене поэта неудобно тоже писать стихи. Н.С. новые (Гумилёв вскоре после женитьбы на А.А. уехал в Абиссинию и вернулся через полгода) стихи понравились больше, и он сказал, что нужно издать книгу. До этого же А.А. выступала с чтением своих стихов на «Башне» Вяч. Иванова. Тогда ей показалось, что стихи имели успех, теперь (начало 60-х годов) она думает обратное.

Недоброжелатели

Друзья и ученики Н.С. Гумилёва после его смерти (расстрелян 25 августа 1921 г.) враждебно относились к А.А. Особенно Георгий Иванов (за границей писал в газетах на А.А. бульварные фельетоны)... – Г. Иванов говорил неправду, что якобы Н.С. (Гумилёв) не ценил стихов А.А. и относился к ней только как к «жене поэта».

Врагом А.А. была А.Д. Радлова. Она писала плохие стихи, её называли «Анна, но не та...».

Михаил Кузьмин (написал в своё время весьма доброжелательное предисловие к книге А.А. «Вечер») стал орудием А. Радловой. Он ещё раньше поссорился с Н. Гумилёвым из-за его рецензии на свою книгу «Осенние озёра» – в «Аполлоне», 1912 г.

Анна Ахматова

О стихах

Любимый поэт Осип Мандельштам. Из (своих) стихов в «Чётках» (2-й поэтический сборник А.А., 1914 г.) ей сейчас нравится только одно: «Он длится без конца, янтарный, тяжкий день!».

«Сероглазый король», как и все в «Вечере», – плох, «попытка создать балладу непригодными средствами». Вообще А.А. решительно предпочитала свои поздние (после 1940 г.) стихи – ранним. В некоторые годы (1919–1920) было не до стихов. Многие стихи 30-х годов сожжены. То же – в 40-х годах (был арестован сын – Лев Николаевич Гумилёв). С 1925 по 1940 г. не печатали. В 1940 г. сам И. Сталин

разрешил её печатать (ненадолго).

Писать стихи – следующий по тяжести труд после подземных работ. Особенно – лирические, это постоянная исповедь. Исповедоваться каждый день – это тяжело. А.А. ценит замечания понимающих людей, но их мало. Этим она отличается от Пастернака, который никого не слушает.

Достоевский и Толстой (Лев Толстой)

Между ними гораздо больше общего, чем обычно считают. Оба... проповедники. Если бы Достоевский не умер, он стал бы на путь Толстого – моральной проповеди. То же случилось с Гоголем, который свихнулся из-за своей славы писателя. Это русская национальная черта – тяга к проповеди.

Замечания о прозаиках

Тургенев был плохой человек. Читать его сейчас невозможно, это не литература. Гончаров был талантлив. «Обломов» можно читать с удовольствием. «Обрыв» – плох. Лесков чудный писатель. Паустовского читать нельзя, он пользуется полуфабрикатами. Из современников наиболее талантлив Зощенко. Тынянов скорее интересен как литературовед, его художественные произведения постепенно становятся всё слабее (возможно потому, что Тынянов был болен. Умер в 49 лет).

Замечания о поэтах

Брюсов не был поэтом, все его стихи плохи. У Бальмонта есть отдельные хорошие стихи. Из символистов наиболее интересен А. Белый. Блок – с одной стороны – лучший поэт начала века, с другой – она (А.А.) его не любит.

Высокая оценка стихов Н. Гумилёва, который поднимался всё выше и выше (кто-то сказал, что Гумилёву не хватило пяти минут до славы).

Мандельштам

Происхождение – старинная семья выходцев из Испании. Стихи его, начиная с самых ранних, совершенно оригинальны – у него нет предшественников. Увлекался несколькими женщинами.

В 1917–1918 годах ему показалось, что он влюблён в меня (в А.А.). Написал мне цикл стихов. Женился в 1921 г. на Наденьке (Хазиной). Необыкновенно привязан к жене. Первый арест в 1934 г. А.А. хлопотала за него. После телефонного разговора И. Сталина с Б. Пастернаком дело Мандельштама было пересмотрено и его выслали на три года в Воронеж. Второй арест 1 мая 1938 г. Выслали на Колыму, куда он не доехал, т.к. умер 27 декабря 1938 года под Владивостоком. (Не слышал и не читал, чтобы каким-то образом упоминалось в конце прошлого (2008) года о 70-летию со дня смерти О.Э. Мандельштама). Первый сборник его стихов «Камень».

Последний издан в 1928 г. Большой чудак. Остроумен. Лучшие стихи, посвящённые А.А., написаны им. Теперь (начало 60-х) М. реабилитирован, скоро выйдет сборник его стихов. В 1933 г. Мандельштам написал стихотворение о Сталине.

***

*Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.*

*А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.*

Цветаева

А.А. видела её только раз – за несколько недель до войны – в 1941 (М. Цветаева вернулась на родину из-за границы в 1939 году. Вскоре были арестованы её муж – Сергей Эфрон (расстрелян) и дочь (лагеря), сын погиб на фронте).

Цветаева ошибалась, считая (в стихах), что А.А. была в близких отношениях с Блоком. Эти стихи А.А. считает не вполне доброжелательными, а другие стихи Цветаевой к ней – тем более. (Цветаева всё же относилась к А.А. доброжелательно, чего не скажешь об отношении А.А. к ней).

Недостаток стихов Цветаевой – она всё договаривает до конца (нужно согласиться с тем, что любой автор в своих стихах должен что-то оставлять недосказанным, тем самым предлагая читателю напрячь свой ум). В конце жизни Цветаевой Эренбург был с ней в ссоре. В письмах она называла его пошляком. Поэтому он ей не помог...

Примечание М.И. Бudyко: «Хотя А.А. сказала о Цветаевой: «Я рада, что она вернулась такой королевой», имея в виду выход её книги, было понятно, что она не любит ни Цветаеву, ни её стихов».

Хлебников и Маяковский

А.А. ценит послереволюционные стихи Хлебникова и дореволюционные Маяковского, и отрицает остальные. Ранние стихи Хлебникова – бессмысленны, он был провинциалом и ничего ещё не понимал. Но он мог быть настоящим поэтом революции.

Ранние стихи Маяковского замечательны («Флейта-позвоночник», «Облако в штанах»), потом – ужасны. Например – «Моя милиция меня бережёт». Это значит, что он был трус...

А.Н. Толстой

Жёлтая, бульварная литература...

Книгу «Хождение по мукам» А.А. отрицала, не читая. Однажды она собралась с силами и прочла часть, и теперь у неё есть доказательства ничтожества этой книги. Образ Бессонова – недопустимое оскорбление Блока. Отрицание этого Эринбургом – неправда.

Примечание М.Бudyко: «А.А. при этом назвала его круглогодичным лжесвидетелем, добавив, однако, что не относится плохо к Илье Григорьевичу».

Блок не любил А. Толстого, о котором имеется очень грубая запись в дневнике Блока. Блок был вообще груб. Он, вероятно, сказал это (что его не любит?) Толстому. Пример несдержанности Блока: А.А. надевает ботинки в каком-то гардеробе, за её спиной Блок бубнил: «Вы знаете, я не люблю стихов Вашего мужа». Это было абсолютно ничем не вызвано. А.А.: «А меня А. Толстой обожал». В «Хождении по мукам» есть оскорбительные и явно несправедливые строки об А.А., которая однако не названа там по имени.

(Великим природа дала с избытком дара и ума, чтобы создавать обессмертившие их произведения, но у них часто не хватало сдержанности и такта – терпеливо относиться к себе подобным, не давая волю своим эмоциям.).

Подготовил
Владимир САМАРСКИЙ,
г. Лесозаводск

1933

МУЖЕСТВО

Анастасия КАРАБАЕВА,
г. Арсеньев

/печатается в сокращении/

Несутся годы, и вместе с ними все дальше уходят события тех бурных и противоречивых лет. История города собирается по крупицам, остается все меньше ее живых свидетелей. Непростительно мало знаем о жизни в период становления Советской власти – ее начальной стадии. Все, что будет рассказано ниже, тоже собрано из немногочисленных документов, из рассказов переселенцев. Поэтому, просьба к вам, дорогие друзья: помогите, если располагаете более полными сведениями о времени первых поселенцев. Приходите в музей истории города или обращайтесь к автору этих строк.

В своем небольшом рассказе мне хотелось отразить жизнь, время, место, где она проходила, хотя бы вкратце. Не только об одном человеке, но и о тех, кто был тогда рядом с ним.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В 1903 году из Никольска в Семеновку прибыла вторая партия переселенцев. Селились по обеим сторонам речки Халазы. На правом берегу – в основном из Черниговской губернии, на левой – из Полтавской, с одноименным названием улиц. Мостом через Халазу служили спиленные деревья, а то и сами упавшие, подмытые водой. В этой горной речушке, которая в паводки превращалась в грозную реку, водилось много разной рыбы, не считая гальянов, пескарей и вьюнов: ленок, хариус, налим, сом... А кета заходила в верховья метать икру. Зверья тоже было много. Косулей, случалось, и руками ловили. Но без оружия далеко от изб боялись отходить.

Построил свою избу на Полтавской улице и Василий Омелянченко, прибывший в Семеновку в 1909 году. У них с женой было четыре сына – Митрофан, Иван, Пантелей, Петр, и дочери – Ульяна, Александра и Евдокия. Как и всем переселенцам, тяжело доставались первые шаги на новой земле. Корчевали лес, строили избы, распахивали землю. Пила да топор – вот и вся механизация, которая месяцами и годами не выпускалась из рук. Людей и животных одолевал разномастный гнус. Вокруг болота, трясина, высокие кочки, заросли леса, лиан, кустарника. Чуть отойдешь от избы – немудрено и заблудиться, особенно детям. О таком случае мне рассказала Евдокия Ивановна Ермоленко – племянница Петра Васильевича Омелянченко. При строительстве изб братья Омелянченко помогали друг другу. Вместе со взрослыми сильную работу выполняли и дети. Нянчили младших, ухаживали за скотиной, пасли коров. Бабушка трехлетней Дуни собралась идти на речку Халазу стирать белье, а так как внучку оставить было не с кем, то ей пришлось взять ее с собой. Нести белье и внучку оказалось делом нелегким, и она позвала Ульяну – тетю Дуняшки, чтобы та понянчила ее. А тете самой было лет шесть отроду. Та взяла малышку и пошла с ней по берегу Халазы. Не заметила, как и сама заигралась среди цветов, кустарника и забыла о своей подопечной, а когда хватилась – та как сквозь землю провалилась. Между тем Дуняша увидела в траве цветочки, потянулась за ними, а затем запуталась среди кочек и не смогла выбраться. Со слезами на глазах Ульяша пришла домой. Всей деревней искали девочку,

проверили все колодцы, ямы, но ее нигде не было. Кричали, звали ее. А она в это время, обессиленная, искусанная комарами и мошкой, теряла последние силки. Дело принимало трагический оборот. Наступила ночь. На ее счастье домой с молодежной гулянки возвращался молодой человек – брат Ульяны, Пантелей Васильевич Омелянченко. Проходя мимо места, где находилась Дуняша, он услышал какой-то писк. Остановился, прислушался и шагнул на звук, но никого не увидел. Вновь прислушался и опять начал искать. И так повторялось несколько раз. Наконец он увидел ее и принес домой. А дом-то находился метрах в тридцати от того места, где заблудилась несчастная девочка.

А сколько тонуло в трясине домашнего скота, лошадей, коров... Так, у озера Олешник у Г. Пинчука утонули лошади. А бабушка Нестеренко выгоняла в стадо корову, но та свернула чуть в сторону от тропинки и стала тонуть. Пока бегала за подмогой, корова ушла в топь и ее не смогли спасти. Это случилось примерно в районе, где теперь стоит памятник М. Горькому (в центре города).

Ох, как тяжело жилось нашим первым поселенцам! От болезней, непосильного труда и плохих жилищных условий умирало много детей. За медицинской помощью нужно было добираться на подводах неделями – в с. Ивановку или в Никольск-Уссурийский. И все же постепенно строилось село, подрастало молодое поколение.

ИНТЕРВЕНЦИЯ.

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ

После окончания русско-японской войны 1904-1905 гг. появились новые партии переселенцев. Когда началась интервенция в Приморье, на защиту ставшей родной земли уходили и жители села Семеновка: Дмитрий Пинчук, Антон Балабан, Денис Копоть, Иосиф Павлюченко, Михаил Скрипка, Василий Пономарец, Иван Нестеренко, Иван Потеня, Николай Будько и многие другие. Из семьи Василия Омелянченко ушел в партизанский отряд старший сын Митрофан. Воевал, был тяжело ранен в ногу, которую пришлось ампутировать выше колена. Впоследствии с женой и детьми жил в с. Анучино.

В отряде Зарецкого с апреля 1919 г. по апрель 1920 г. воевал и младший сын Петр. После службы в Красной Армии в г. Спасске демобилизовался и приехал в родное село. Дом Петра Васильевича стоял также на Полтавской улице примерно в районе, где теперь проходные ААК «Прогресс» имени Н.И. Сазыкина, рядом с домом Чигрина. На сельской сходке его избирают, как грамотного, активного человека, председателем Семеновского сельского совета. Занимался он, как и большинство односельчан, крестьянством, считался середняком-единоличником, был первым членом партии большевиков в селе и даже избран членом пленума Приморского губисполкома. Районным центром тогда являлось село Яковлевка. Петр Васильевич добирался туда, когда была необходимость, пешком или на попутных подводах, так как никакого общественного транспорта за сельсоветом не числилось. Отношение жителей села к советам было неоднозначное: бедняки поддерживали, а зажиточные, особенно староверы, были против. Не раз слышал от них угрозы П.В. Омеляненко. Мать, переживая за сына, просила выбросить партбилет. Но он категорически отвечал: «Нет, не брошу». Люди уважительно относились к нему. Чувствуя поддержку, тянулись к нему за советом, помощью, и он никому не отказывал. От первой жены Меланьи у него был сын Филимон. После ее смерти Петр Васильевич женился на Прасковье, у которой было своих четверо детей: Демьян, Иосиф, Иван и Глаша. Но жили они дружно, как родных принял он чужих детей, и они его любили как родного отца. Все помогали друг другу, делились горем и радостью. Зла Петр Васильевич никому не делал.

НАПАДЕНИЕ

После изгнания интервентов на российском Дальнем Востоке возобновилась классовая борьба, особенно в 1924-25 гг. Тогда в наших местах действовала банда Тимофея Мартышева. Они грабили местных жителей, убивали учителей, активистов. Обычно разбойничали летом, а на зиму уходили за кордон. В разных источниках главаря банды называют Мартышев, Кузнецов... По рассказам сторожилов Мартышев был женат на богатой женщине, которой принадлежало практически все село Виноградовка, и Мартышев взял ее фамилию – Кузнецов. В центре села Новосыоевки, в окружении красивых елей, стоит скромный обелиск, на котором написано: «Памятник героям-пограничникам, погибшим в бою с бандой Кузнецова в 1924 г.». Нам известны их имена и две фамилии: Подолько, Панасенко, Владимир, Григорий, Константин, Мирон.

В 1924 г. банда обосновалась на пасеке. Местные жители, коммунисты и комсомольцы, натерпевшись от бандитов, решили покончить с ними. Но у них не было оружия. Сельский совет обратился за помощью в г. Спасск, где стояла часть особого назначения по борьбе с бандитами (ЧОН). Оттуда прибыли семь молодых ребят. От помощи они отказались, решив не рисковать жизнью сельчан и справиться с бандой самостоятельно. Но их перехитрили. Когда чоновцы окружили зимовье, бандиты, спрятав оружие под одеждой, вышли с поднятыми руками. Но, приблизившись к ребятам, внезапно открыли огонь. Шесть комсомольцев были убиты,

когда прискакали на помощь местные жители, а банде опять удалось скрыться. Погибших привезли в село и похоронили. Ошибочная надпись на памятнике появилась, видимо, потому, что банду ликвидировал отряд пограничников под командой Марка Решетникова. О том, как проходил тот далекий бой, узнали школьники-следопыты из Новосыоевской восьмилетней школы № 2. Ребята сохранили альбом, где собраны материалы об истории села, о его первых жителях и о событиях давно минувших дней.

...В мае 1925 года банда, перейдя границу, опять объявилась в наших местах. Петр Васильевич находился в это время на совещании в Яковлевке, но, узнав об этом, несмотря на позднее время и уговоры товарищей, поспешил домой. Реальная угроза нависла над селом. Только к утру он добрался домой и сразу же решил собрать сходку. На вопрос жены: «А где ты ее собираешь?» почему-то ответил: «В школе». У подножия сопки Халазы была коммуна «Братство». Коммунары вместе обрабатывали землю, гнали смолу. Туда рано утром нагрянули бандиты. Они согнали всех в одну кучу, разожгли большой костер и намеревались связанных коммунаров бросить в огонь. В это время из кустов вышла чалая корова (окрас белый с черным), в которой Мартышев узнал свою.

– Откуда она у вас?

– Мой сын Миша батрачил у вас, и его насмерть заколол ваш бык, – вышла вперед одна из коммунарок. – Вот ваш отец и отдал нам ее.

В костер никого не бросили, а избили шомполами двух руководителей коммуны и увели с собой. Не доходя водокачки, расстреляли их и кинулись в Семеновку к дому Омеляненко.

– Где Петро? – обратился главарь к жене Петра Васильевича.

– Сходку собирает, – последовал ответ.

– А где?

– В сельсовете.

Бандиты кинулись к сельсовету, который находился на улице Советской (ныне улице Жуковского) в доме Иосифа Чигрина. А жена побежала в школу, чтобы предупредить об опасности, но, как мы понимаем, тщетно. Первым был убит Семен Южанин, который открыто порвал с бандитами, заявив: «Мне надоело грабить и убивать ни в чем не повинных людей. С меня хватит». Ему угрожали, но он был непреклонен. Услышав выстрелы, Петр Васильевич догадался, что бандиты здесь, и выпрыгнул в окно. Но он не успел перебраться через забор, так как был тяжело ранен. Наступив тяжело раненному председателю на грудь, Мартышев произнес:

– Я же говорил тебе, Петро, что из вашей советской затеи ничего не выйдет, – и выстрелил в сердце.

Областная газета «Красное Знамя» за 1925 г. № 127 писала: «27 мая бандитами убит председатель Семеновского сельского совета П.В. Омеляненко».

Впоследствии банда была уничтожена пограничниками, как это произошло – отдельный интересный рассказ. Но самому главарю удалось уйти за границу в Китай. И, по некоторым сведениям, он не бросил своих бандитских замыслов – обижал и грабил китайцев, и они его убили...

Добрый САДОВНИК

Рассказ

Эта земля лежит в далеком крае с суровым климатом и скудной почвой. Редко кто забредет в обширные, малонаселенные места. Только местные жители, издавна облюбовавшие край, привязаны к местам, где они родились и выросли. Многие поколения людей освоили, обустроили среду обитания, требующую больших трудов и мало отдающую своим обитателям. Их трудами, заботами, тяжелыми усилиями создан уголок человеческого обитания, засеянный культурными растениями, приносящими небогатые урожаи плодов и овощей. Земля, ранее покрытая непролазными чащобами, гиблыми болотами или просто пустошами, не пригодными ни для чего, покорила, стала Отчиной, Родиной, за которую надо было отдать жизнь.

Минули многие годы, истекли века. Жизнь на родной земле менялась. Трудолюбивые земледельцы изобретали все новые способы обработки скудной почвы, добычи полезных ископаемых, скрытых под землей, даже нашли возможности влиять на климат. Благодаря самым искусным мастерам появились новые растения, приносящие большие урожаи новых, ранее невиданных плодов, фруктов, еще недавно неведомых, появились машины, заводы и фабрики, много замечательных вещей. В людской памяти остался образ одного из таких мастеров, творящего чудеса на земле, сделавшего многое, чтобы превратить землю в место наподобие Райского сада.

Скромный человек, с большим добрым сердцем, любящий людей, живущих своим трудом, и презирающий лентяев, воров, лжецов и трусов, он не покладая рук многие годы работал ради людей труда. Добрый садовник – так называли его труженики, отвечающие на его заботу о них своей безмерной любовью, почитавшие его почти как Бога.

Дни и ночи трудился Добрый садовник на благо людей. Он сажал, поливал, удобрял полезные растения, беспощадно выпалывал сорняки. Случалось, срубал засохшие, не приносящие пользу деревья. Он удара его топора летели щепки, иногда, бывало, ранил некоторых людей, но немногие обижались на Садовника. В работе ведь случается всякое.

Добрый садовник не просто создавал новые плодородные растения – он изменил порядок жизни людей. Новая жизнь организовалась по правилам свободного, творческого труда. Труд становился не тяжелой обязанностью, проклятием, а первой жизненной потребностью, делом чести и совести. Многие трудились как герои, свершая небывалое.

Чтобы сделать жизнь еще более счастливой, удобной и безопасной, Добрый садовник построил оранжерею – огромное сооружение, вмещавшее в себя всю обустроенную, обихоженную землю. Внутри оранжереи

поддерживался определенный, научно выверенный микроклимат, строго регулировалась температура воздуха, выдерживались иные необходимые параметры атмосферы. Солнечные батареи накапливали энергию небесного светила, и затем она использовалась для обогрева теплолюбивых растений. В дождь открывались участки крыши для естественного орошения растений. Излишки влаги накапливались в водохранилищах и использовались для регулярного искусственного орошения.

Наступила счастливая и добрая жизнь. Настало время еще не изобилия, но достатка всего необходимого для жизни. Отступили болезни. В искусственном микроклимате совершенно исчезли вирусы и болезнетворные бактерии. Люди почти перестали ссориться, не осталось места для раздоров по причине нехватки благ или, напротив, слишком большого достатка.

Вести о хорошей жизни жителей далекой земли, ставшей настоящей Землей-садом, достигли ушей соседей, всегда более богатых и довольных жизнью, своими плодородными почвами, мягким климатом и теплыми морями. Жителям Земли-сада стали завидовать. Все чаще около оранжереи замечали крадущиеся тени. Случалось, некто пытался проникнуть внутрь. Но, пока жил Добрый садовник, никому не было страшно. Все знали: Добрый садовник найдет способ их защитить. Если надо, то не побоится истребить врага, испепелить его с помощью солнечного рефлектора или выпустить на наступающего неприятеля облако ядовитого газа, использующегося в мирной жизни для уничтожения сельскохозяйственных вредителей. Или использует иное средство.

Тридцать лет нес службу на благо людей Добрый садовник, пока не пришел час его смерти. Безмерно скорбели люди. И радовались враги-соседи. Но делать нечего, надо было продолжать жизнь без Доброго садовника. Он завещал потомкам свои достижения, теперь требовалось их сохранять, развивать. Многое сохранить, что-то изменить.

За многие годы жители Земли-сада привыкли к счастливой и безопасной жизни. Сколь безопасен был мир внутри оранжереи, столь же безопасным многим он казался снаружи. Они совсем не боялись соседей. Ведь те ранее, как ни пытались, так и не смогли уничтожить оранжерею, подчинить себе Землю-сад. К тому же, казалось, они не проявляли враждебных намерений. Напротив, предлагали помочь, поделиться своими товарами. Стали приходить в гости, приносили с собой и давали попробовать жирные бутерброды, от которых человек быстро толстел, лимонад, который не утолял жажду, а, наоборот, усиливал ее.

Прожив многие годы внутри оранжереи, добрые и наивные жители Земли-сада стали все более тянуться к миру вокруг. Они даже открыли стены и крышу оранже-

реи для свободного доступа туда воздуха и природных осадков, уничтожив тем самым искусственный микроклимат. Многие явно изменилось вскоре после смерти Доброго садовника.

Еще больше происходило неясных, скрытых изменений. В организм жителей Земли-сада постепенно проникали вредоносные вирусы и бактерии, ранее отсутствовавшие в искусственном микроклимате. А у людей, много лет живших в искусственной среде, не было против них иммунитета. До времени обитатели Земли-сада ничего не чувствовали, только радовались открывшемуся, столь заманчивому внешнему миру, постепенно теряя силы и здоровье.

С течением времени, люди, конечно, почувствовали нечто неладное. Ранее здоровые, они, в большинстве, оказались подвержены непонятным болезням. Уменьшалась продолжительность жизни, возросла смертность. В тревоге они обратились за помощью к соседям. За большие деньги те согласились помочь. Провели массовое обследование, затем вакцинирование жителей Земли-сада. Результаты не заставили себя ждать.

Не то чтобы у жителей Земли-сада прибавилось здоровья. Нет, болезни не отступили, не уменьшилась смертность, не увеличилась продолжительность жизни. Но заметно менялось отношение людей к жизни, другим людям. Было ли это следствием прививок медицинских препаратов соседей? Доказательств тому нет.

Болезненные и потому ставшие унылыми, негативно настроенными по отношению друг к другу, не желающие много работать, а стремящиеся больше получить за доставшееся им небольшое время жизни, люди все более предпочитали удовольствия созидательному труду и собственному развитию. Часто им хотелось просто за-

быться и не видеть становящейся все более безрадостной жизни. Расцветали алкоголизм, наркомания и прочие беды. Труд стал не просто безрадостным – за счет его оказалось невозможно просто нормально жить. Основным источником благополучия осталась преступная деятельность. Все больше людей гибло от наркотиков и алкоголя, от преступлений.

Уходила в прошлое счастливая и просто достойная человека жизнь. Та жизнь, что наступила на земле, называемой Землей-садом, уже совсем не походила на человеческую. И людям пришлось к ней приспособливаться. Одни из них, смирившиеся с происходящим, постепенно превращались в подобие скота, жующего корм под ногами, другие, более агрессивные, начали сбиваться в подобие волчьих стай, убивая слабых и больных. Третьи нашли наиболее удобным незаметно использовать тех и других, превращаясь в паразитов, живущих за счет своих хозяев.

Менялся образ жизни – менялись сами люди. Мало кто сумел сохранить людское достоинство в нищете. Сначала менялись привычки, затем по иным законам стал функционировать организм. У «людей – овец и баранов» – развиваться кишечник, приспособленный для долгого переваривания растительной пищи. У «людей – волков и шакалов» увеличивались и заострялись зубы. «Люди-паразиты» понемногу развивали челюсти, у них появлялись особые присоски, чтобы можно было намертво вцепиться в хозяина, присосаться к нему и питаться его кровью или потреблять пищевые соки. У всех уменьшался в объеме головной мозг, деградировала высшая нервная система.

Земля-сад между тем приходила в запустение. Почти никто не обрабатывал землю, и она зарастала сорняками, заболачивалась, гибли посевы, останавливались фабрики и заводы. Своим обитателям она оказалась совсем ненужной. Тогда пришли соседи и заняли эту землю. Не нашлось среди местных жителей почти никого, кто бы им воспротивился. Пытавшихся сопротивляться убили, спаслись немногие.

* * *

Прошло много лет. Бывшая Земля-сад давно превратилась в окраину Другой земли. На ее живописных, нетронутых человеком просторах, в пасторальной тиши лугов можно встретить немногих пастухов, мирно пасущих стада овец и коров. Скот счастлив безмятежным существованием, лишь слегка нарушаемым налипшими на шкуру кровососущими насекомыми. Прирученные волки охраняют стада.

Далеко за пределами окраины Другой земли доживают свой век немногие уцелевшие люди Земли-сада. Они неизбежно тоскуют о потерянной Родине. Вспоминают Доброго садовника и скорбят об ушедшем.

Памятник М. Горькому, г. Арсеньев
Фото из архива редакции.

Владимир ПОДМАСКИН,
г. Владивосток

Подмаскин Владимир Викторович (род. в 1939г.) – доктор ист. наук, гл. научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН. Издал около 150 книг, посвящённых исследованию традиционных знаний тунгусо-маньчжуров и нивхов. В 70-е годы XX века у удэгейцев, когда среди них ещё были живы люди, знавшие родной язык, собрал уникальный фольклорный материал: мифы, легенды, сказки, песни, загадки, игры, пословицы и поговорки.

Киреева Ирина Васильевна (род. в 1953г.) – автор детских сказочных повестей «Митрофан – покоритель пространств», «Все мечтают летать» и др., фантастической повести «Вертрум».

Владимир Викторович и Ирина Васильевна совместно написали и готовят к изданию книгу «Мифы, легенды и сказки удэгейцев».

Ирина КИРЕЕВА,
г. Владивосток

Как Егдига на небо по рогам излюбрей ходил

Очень давно в тайге старик со старухой жили. Старик, по имени Канда Мафа, сердитый был. А его жена была доброй старушкой. Да разве одна добрая старушка со злым стариком сладит? Он всё по-своему делал. Мало кто в тайге знал, что у них дочь росла. Такая красавица, что хоть с утренней зари до поздних сумерек любуйся ею – не налюбуйешься. Канда Мафа её в сундук запирали, чтобы никто такой красоты не видел. Так и жила красавица дочка в сундуке. Узнал богатырь Егдига об этом. Пришёл к старикам их дочку сватать. Канда Мафа говорит ему:

– Сходи на небо, солнечный свет достань и мне принеси. Такой выкуп я за дочку назначаю.

– Слыхал ли ты, чтобы кто-нибудь на небо поднялся и свет солнца на землю приносил? – удивился Егдига.

– Я не слыхал, а ты принеси, если хочешь на моей дочке жениться, – ответил вредный старик.

– Зачем тебе солнечный свет? – спросила жена.

– Разве не знаешь? – прикрикнул на неё старик. – Спина у меня болит. Буду спину греть.

– Не ходи, Егдига, – прошептала старушка. – Солнце тебя сожжёт. Принеси какой-нибудь другой выкуп. Может, старик забудет про солнечный свет.

Вышел богатырь из юрты. Что делать? В какую сторону идти? Где дорога на небо? Не знает. Вдруг лисица с двумя хвостами перед ним очутилась:

– Мы, лисицы, знаем дорогу к небу, – говорит. – По нашим следам иди.

Направился Егдига по лисьим следам. А лисицы – то с тремя хвостами, то с пятью – на тропе мелькают, мимо него в разные стороны бегают. Следы путают, озорничают. Разгадал их хитрость Егдига. Спрятался в кустах. Вот одна лиса мимо бежит. С одиннадцатью хвостами! Прицелился он – десять хвостов сразу отстрелил. С одним хвостом рыжая в лесу скрылась. С тех пор лисицы только с одним хвостом рождаются. «Подарю старикам лисьи хвосты. Может, Канда Мафа согласится отдать дочь за меня замуж?» – подумал Егдига и назад вернулся. Канда Мафа рассердился:

– Десять лисьих хвостов добыть – дело нетрудное. Мне солнечный свет нужен! Без него не приходи свататься.

Вздыхнул Егдига, опять пошёл счастье искать. Шёл – увидел, как две маленькие птички шумят, дерутся.

– Что за смертельное сражение? – спрашивает богатырь. – Что вы не поделили?

– Гнездо не поделили! – пропищали птахи.

Смотрит Егдига: гнездо у птиц одно, а яиц в нём много.

– Что же вы другое гнездо не совьёте? – удивился он.

– Мы не умеем!

Свил Егдига для них ещё одно гнёздышко. Угово-

рил драчунов помириться. Обрадовались птахи, помирились.

– Поможем тебе в трудную минуту, – прощобетали.

Улыбнулся Егдига, дальше пошёл. А птицы с тех пор сами гнёзда вьют: у Егдиги научились.

Шёл он, шёл – рыбу на отмели увидел. Вода с отмели ушла – задыхается рыба. Спас её от смерти Егдига: с мели забрал – на глубине выпустил.

– Помогу тебе в трудную минуту, – булькнула рыба и на прощанье хвостом вильнула.

Егдига дальше отправился и вскоре юрту увидел. В ней одинокий старик жил. Пригласил он путника чаю попить, трубку выкурить. Уважил старика богатырь. Выкурил с ним трубку да и рассказал, что на небо идёт солнечный свет добывать, чтобы дочку Канда Мафы сосватать.

– Канда Мафа – мой родной брат, – говорит старик, – а его дочка – моя племянница.

– Одо, может быть, ты уговоришь своего брата отдать дочку за меня замуж? – попросил Егдига. – Любой выкуп пусть просит, какой на земле можно достать.

– Скорей река в другую сторону потечёт, чем мой брат изменит своё решение. Упрямый он слишком. Однако попробую упрямить его.

– Спасибо, отец, – стал благодарить Егдига.

– Рано благодаришь. Сначала испытание тебе устрой. Ведь не кого-нибудь, а племянницу сватать буду.

– Я любому испытанию рад! – воскликнул богатырь.

Тогда старик говорит:

– Вот тебе мешок чумизы. Ступай на берег моря и разбросай её на песке во все стороны.

Выполнил парень задание и назад вернулся.

– А теперь опять к морю иди да всю чумизу в мешок собери, – усмехнулся дед. – Сумеешь сделать – пойду сватать за тебя племянницу.

«Не простой ты старик, каким кажешься», – подумал Егдига. Да делать нечего. Вернулся он на морское побережье, стал чумизу из песка выбирать, в мешок бросать. Собирал-собирал – скучно стало. Сон его сморил. Крепко уснул богатырь. А проснулся – полный мешок чумизы стоит! Зёрнышко к зёрнышку – ни одной песчинки не видно. Вокруг мешка птички порхают, которым он гнёздышко свил. Вот кто всю чумизу собрал!

– Спасибо вам, пташки. Выручили вы меня в трудную минуту, – поблагодарил их Егдига.

Поднял мешок, к дяде-старика понёс. Испугался дед: не думал он, что Егдига с заданием справится. «Не простой ты богатырь, каким кажешься», – понял дед и другое задание придумал:

– Вот тебе мешок с медяшками абду. Высыпь все медяшки в море.

Всё в точности исполнил Егдига. Тогда старик и говорит ему:

– А теперь все медяшки со дна моря собери и снова в мешок сложи.

Хоть и рассердился Егдига на хитрого старика, но виду не показал. Вернулся к морю. Глядь – все медяшки абду на берегу лежат! Рыба, которую он спас, возле берега плавает. Догадался богатырь, кто помог ему:

– Спасибо, – поблагодарил он рыбу, – выручила ты меня в трудную минуту.

Сложил все медяшки в мешок. Дяде-старика принёс. Не стал дожидаться, пока тот новое задание придумает:

– Я всё исполнил, – говорит. – Иди к брату и сватай за меня свою племянницу.

Вздыхнул старик. Очень не хотелось ему к вредному брату идти. Да ведь слово дал. Вот пришёл он к Канда Мафе. Как раскричался Канда Мафа:

– Бестолковый жених Егдига! Пусть он на небо поднимается! Солнечный свет несёт! Другого выкупа мне не надо.

Стыдно дяде-старика перед Егдигой: не смог он брата переупрямить. А Егдига не затаил обиду, не такой он человек. Попрощался с дядей своей невесты, дальше пошёл. На таёжной тропе старушку встретил.

– Как ты пришёл сюда, богатырь? – спрашивает старушка. – Люди в такую глухомань не забираются. Далеко ли твой путь лежит?

– На небо иду за солнечным светом. Не знаешь ли ты, мамаса, дорогу на небо?

– В первый раз слышу, чтобы люди на небо за солнечным светом ходили. Дорогу туда я не знаю. Знаю только, что ты встретишь на пути кабана, медведя и трёх изюбрей. Все они на месте стоят, не шевелятся. Может, они тебе советом помогут. А я никакого совета дать не могу. Только хорошую пилу подарю тебе.

– Зачем мне пила, мамаса? – удивился Егдига.

– В дороге всё может пригодиться, – ответила старушка и исчезла в лесной чаще.

Смотрит Егдига: у него пила в руках. Рассмотрел её со всех сторон: хороший инструмент. Засунул пилу в дорожную сумку паду. Дальше пошagal. Вскоре кабана увидел. Клыки у кабана огромные, как корни дерева, в землю вросли. Из-за этого зверь на месте стоит, пошевелиться не может. Решил Егдига помочь бедолаге. Вынул пилу, отмерил клыки и лишнюю часть отпилил. Обрадовался кабан. В сторону с визгом отскочил. Как припустит! Только его и видели. Никакого совета богатырю не дал. Егдига почесал затылок, дальше пошёл. Медведя встретил. У медведя такая же беда: зубы в землю вросли – пошевелиться не может. Отпилил ему зубы Егдига. Распрямылся медведь. Потянулся. Говорит человеку:

– Спасибо тебе, Егдига. От больших мучений ты меня спас. Как благодарить тебя, не знаю.

– Мне совет нужен, одо, – с уважением обратился к медведю богатырь. – На небо я иду за солнечным светом, а дороги не знаю.

– Пойдёшь дальше по этой дороге, трёх изюбрей встретишь, – говорит медведь. – Эти изюбри рогами в небо вросли, оттого и пошевелиться не могут. Ты им сразу рога не отпиливай, а то разбегутся звери. Сначала заберись по рогам на небо. На небе найди лысую сопку, на которой деревья совсем не растут. Поднимись на её вершину и жди, когда Хозяйка Солнца мимо пройдёт. Поклонись ей, расскажи, что тебе нужно. Если она тебе не поможет, то солнечный свет ты не добудешь. А когда ты на землю спустишься, тогда и рога изюбрям пили. Вот такой мой совет.

Поблагодарил Егдига старика медведя и дальше пошёл. Скоро трёх изюбрей встретил. Немало чудес богатырь в тайге повидал, но такого чуда не видывал! Стоят три изюбря кружком, головами друг к другу повернуты. Сами звери обычного роста. А рога у них – три великих ветвистых дерева. В вышине три дерева в одно сплетаются. В небо это дерево вросло, вершины его не видно. Ветер дует – дерево раскачивается. Устали изюбри от долгого стояния. Побегать, размяться им хочется.

– Недолго терпеть вам осталось, изюбри. Вот на небо заберусь да назад спущусь, тогда и обрежу ваши рога, – пообещал богатырь.

Быстро он по ветвистым рогам карабкаться стал. Птицы на них в вышине отдыхают. Облака в них запутываются.

На самое небо Егдига взобрался. Лысую сопку нашёл. На её вершину поднялся. Хозяйку Солнца – Су онёни – дожидаться стал. Вот вдалеке высокая женщина появилась. Величаво идёт. Халат на ней синий, а узор на халате золотой – лучами солнца выткан. Подошла Хозяйка. Ростом с сопку оказалась – вот какая высокая. Низко поклонился ей Егдига.

– Ты зачем, Егдига, на небо поднялся? – строго спросила Хозяйка. – Земные люди в Земном мире должны жить, а не в Небесном.

– Не сердись, Су онёни, – попросил богатырь. – Я не навсегда сюда пришёл. За солнечным светом поднялся. Помогите мне немного солнечного света достать.

– Разве моя дочь Су слабо светит, плохо землю греет?

– Твоя дочь Солнце ярко светит, тепла для нас не жалует.

– Зачем же тебе её свет?

– Хочу я жениться на красивой девушке. Её отец, старик Канда Мафа, выкуп за невесту просит – солнечный свет. Держит злой старик дочку в сундуке, никому её не показывает. Если я не женюсь на красавице, она умрёт в темноте и света никогда не увидит.

– Непростое это дело – солнечный свет добыть. Моя дочь Солнце так полыхает, что вмиг сгоришь возле неё. И на землю солнечный свет доставить – непростое дело. Сноровка нужна. Очень смелый ты человек, Егдига. А смелым людям я помогаю, – сказала Хозяйка Солнца.

Взяла она облако. Встряхнула его – оно одеялом стало.

– Забирайся под одеяло! – приказала Егдиге. – Не выглядывай. А то моя дочь острой огненной иглой на нарочноком глаза тебе выколет.

Забрался Егдига под одеяло. Смирно сидит. А Хозяйка Солнца свою дочь звать стала, песню запела:

*Ты иди под землёй, под горами и лесом.
Возвращайся ко мне, к матери своей.*

Егдиге под одеялом всё слышно. Слышит он, как дочь песней отвечает:

*Я прошла под землёй,
Под горами и лесом.
Возвращаюсь к тебе,
К маме своей.*

Всё жарче и жарче Егдиге становится, и облако от

жары не спасает. Вот приблизилась Су. Взяла Хозяйка у дочери кусочек живого огня. Огонь в руке у небесной женщины горит, полыхает, глаза слепит. Обернула Хозяйка его шёлковым лоскутком – свет сквозь него не пробивается. Потом женщина свёрток льдом обложила – от свёртка не жарой, а холодом повеяло. Когда огненная красавица Су покинула небо и ушла на землю, на небе ночь наступила. Хозяйка сняла одеяло, подкинула его вверх – оно снова в облако превратилось. Протянула женщина свёрток Егдиге:

– Держи, богатырь. Хороший у тебя выкуп за невесту будет. Ни у кого никогда такого выкупа не было.

Поклонился Егдига Хозяйке Солнца. За солнечный свет её поблагодарил.

А она ещё наставления даёт:

– Быстро спускайся вниз. То в жар тебя будет бросать, то в холод. Не бойся. Свёрток не открывай и не смотри, что в нём лежит. А когда Канда Мафе отдашь его, быстро забирай невесту и уходи из дома.

Без страха спустился вниз Егдига. Только на землю встал – изюбри напоминают:

– Егдига, ты рога обещал нам спилить.

– Я не забыл, – говорит богатырь. – Сначала своё обещание выполню, а потом пойду невесту сватать.

Достал он пилу из сумки. Стал ответвления на рогах считать. До восьми десятков насчитал и со счёту сбился. Оставил он тогда одному изюбрю три ветви – Илага, другому пять – Тунага, а третьему шесть – Нюнга. С тех пор охотники встречают в тайге изюбрей с тремя, пятью или шестью ответвлениями на рогах. Стали изюбри благодарить Егдигу:

– От страшных мучений ты нас спас. Спасибо тебе, богатырь.

– Если бы не вы, я бы на небо не смог забраться, – ответил Егдига.

Забросил он сумку со свёртком на спину. Горячо спине стало: видно, лёд на свёртке совсем растаял, только шёлковый лоскуток остался.

Тут Нюнга подскочил к богатырю:

– Садись, Егдига. Быстро домчу куда надо.

Запрыгнул парень на изюбря. Быстрее ветра Нюнга помчался.

Вошёл Егдига в юрту. Свёрток Канда Мафе протянул:

– Я твою просьбу выполнил, – говорит.

Взял Канда Мафа свёрток. Из руки в руку, как горящий уголь, его перекидывает. А старушка сундук открыла. В нём невиданной красоты девушка сидит. Взял её за руку Егдига, помог из сундука выбраться. А девушка за руку старушку взяла. Вышли они втроём из юрты. На изюбря сели – домой к Егдиге умчались. А Канда Мафа проверить решил, не обманул ли его Егдига. Развернул старик свёрток – солнечный свет из него выпорхнул, в одно мгновение всё вокруг спалил. И юрту, и старика. Будто никого и ничего никогда и не было. Вот как.

Егдига с молодой красавицей женой и со старушкой матерью хорошо жить стали. Одна трудность в их жизни была: Егдига никак женой налюбоваться не мог. Глаза приходилось ему завязывать, потому что взгляд от жены отвести он не в силах был.

А других трудностей у них почти что и не было.

СОВСЕМ НИКАКОГО

ЗНАЧЕНИЯ

Едва появился на рабочем месте – в кабинет бесцеремонно ввалилась делегация сослуживцев, вразной напевавших «Happy birthday». Спустя четверть часа, напившись красного чаю и наулыбавшись вволю, с чувством удовлетворения ушли.

Неплотно прикрытой – дверь оставалась недолго...

Ближе к полудню – сошёл с ума, разбирая горы подарков. Мобили, ручки, брелоки, конверты с деньгами... безделушки-мелочи. Хвала Небесам – никто не додумался принести цветы.

Когда эта страна превратилась в государство менеджеров?

Кому наверняка известно, каким образом ими управлять?

Мобильный не успевал прислушаться к тишине – Сеул, Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Новосибирск, Екатеринбург, Пермь, Москва, снова Хабаровск, Владивосток...

И это было настоящим свинством с моей стороны – спрятавшись за работой и оправдав ею равнодушие, трагически забыть – непростительно надолго, что мир полон тех, кто помнит, ценит, любит – искренно.

* * *

Ближе к 15-00 не выдерживаю, объявляю оставшееся до закрытия время периодом всемирного веселья, национальным праздником.

Оказывается – трепетно желающие только этого и ожидают.

В самый разгар своеобразного праздника жизни кто-то протягивает мне трубку позабытого на столе мобильного:

– Твоя...

Вздыхнув, смотрю на часы. Беру телефон.

Лишь месяц мы делим то, что в романах сладко называют «ложе».

Но в душу зачем лезть?

Пытаюсь вспомнить, когда позволил вить из себя верёвки.

Далее – по закону жанра – привычно обманываю:

– Лапа, буду не поздно. Да, день рождения – не у соседки, у меня. Ужин? Конечно – помню. Нет, это не женские голоса. Нет, не пью. Нет, за руль не сяду. Конечно, никаких сигарет. Даже «lite!» – стряхиваю с коленей сигаретный пепел. – Жди. Уже еду.

Роняю на пол бокал. Щурясь от выпитого вина, голубоглазая блондинка Марина кричит: «На счастье!».

Недвусмысленно дёргает меня за рукав, кивая в сторону пустующих кабинетов.

Знал бы её муж... Иногда кажется, что он всё знает. И знает очень давно. Но это не имеет никакого значения.

Совсем никакого значения.

Сухие грозы

Всё-всё... Всё!

Мир иссох: я прочёл тебя, испил, пролил, вместил в один взгляд, в один слог и... даже прогнал. Но ты не особенно-то и противилась, уверенно ступив за порог в раздождившуюся ночь. Без оглядки. Без раздумий. Не оставив мне шанса очнуться от наваждения. Униженная – не унижалась.

Где они – прошлогодние листья? Ты забрала их с собой. Скоро – новый листопад.

* * *

Забываю дома – ключи от дома. Или это повод вернуться... домой? Домашности – не хватает.

Когда-нибудь надоест жуировать. Тогда и возненавижу слово «забавно», продам вторую машину и откажусь от съёмной квартиры, вспомню адрес прописки и то,

что Она носит мою фамилию – дом должен быть один.

А полюблю слово другое – Домострой.

* * *

(В автомобиле. Опуская руку на колено жене)

– Если в одно мгновение – заживо – я забуду твоё имя, ничего зазорного?

Господи, как женщины любят раздавать пощёчины!

* * *

Снова и снова – над притихшими в полночь кварталами сухие грозы.

Жёлтое зарево, пронзающее чёртовое небо от моего сердца до самого юга. Или запада – неважно. Прощай, август.

Владимир Тыцких: ИСТОРИЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Этот год – юбилейный для многих авторов «Литературного меридиана». Мы поздравили с шестидесятилетием Вячеслава Протасова; в конце июня такую же дату отметит Владимир Тыцких, вслед за которым встретит пятидесятилетие Юрий Кабанков. Читающая общественность не остаётся в стороне от литературных юбилеев. Во Владивостоке, например, библиотекой имени Ивана Басаргина был устроен необычный литературный вечер, на котором со школьниками встречался Владимир Тыцких. Учащиеся 57-й, 64-й и 66-й средних школ Ленинского района приморской столицы выпускают в своих школах газеты «Алые паруса», «Движок» и «Юность». Юные корреспонденты **Наташа Адамайкина, Илья Аверьянов, Яна Башкатова, Татьяна Богачёва, Ксения Герасимова, Тамара Горицян, Юлия Пан, Ксения Прокопенко, Полина Серебренникова, Дарина Сушенцова, Марк Тимофеев, Татьяна Шафранская** стали участниками встречи и авторами интервью с писателем, которое мы сегодня публикуем.

– **Владимир Михайлович, расскажите о себе, о вашем детстве, о родителях.**

– Об этом почти тридцать лет я рассказываю в своих книжках... И история никак не кончается... Родился на Алтае, в Алтайских горах, в той их части, что оказалась теперь за границей. Там есть город Риддер, когда я в нём появился, он назывался Лениногорском.

Мама Раиса Николаевна – простая русская женщина, прожившая скромную жизнь, которую следует считать подвигом. Это поколение героического трудолюбия и величайшего многотерпения, близкого к самопожертвованию. У мамы было девять классов образования и сложная, очень сложная судьба. Внешне обычная, но в сути своей трагическая. Профессию она не выбирала, работала продавцом, кладовщиком, вахтёром. Жила ради детей, о себе не думала и сгорела рано – я сегодня старше мамы на целых десять лет. Но мама остаётся главным человеком в моей жизни, исповедником и наставником, судьёй и ангелом-хранителем.

Отец Михаил Сергеевич – фронтовик-«трёхпроцентник»: из ста его сверстников девятью семь погибли и только трое вернулись с войны. Он пришёл с фронта без наград, но с тяжёлой контузией, последствия которой тяжко сказались на всей нашей семье. Известный в Казахстане журналист, литератор, в шестидесятые годы прошлого века он пытался научить руководство СССР настоящему социализму и спасти страну от развала, за что был осуждён как политический преступник. Всё получилось, как он предсказывал: Советского Союза больше нет, а отец на восемьдесят пятом году упокоился в земле, на которой родились три его сына, и два из них стали теперь иностранцами.

Я старший из братьев. Средний, Алексей, окончил университет в Алма-Ате, более трёх десятилетий работал в Заполярье журналистом, был большим начальником на телевидении, автор книг и член Союза писателей. Младший, Сергей, живёт в городе детства Усть-Каменогорске. Он один среди нас нормальный мужик, не пишет стихов, но понимает в технике – в этом смысле всё, что полагалось троим, досталось ему: это наш Кулибин, я им горжусь и по-хорошему ему завидую.

Детство – тема бесконечная. Скажу так: его нельзя назвать простым, а всё-таки оно было счастливым. Моему поколению повезло – у нас было счастливое детство, потому что об этом не на словах радело государство и заботилось общество. Мир, в котором мы росли, в котором многого не хватало и не всегда

24 апреля 2009 года. Библиотека имени И. Басаргина. Стоят слева направо: Т. Шафранская, К. Герасимова, К. Прокопенко, Я. Башкатова, Ю. Пан, И. Аверьянов, Т. Богачёва. Сидят: П. Серебренникова, В.М. Тыцких, Н. Адамайкина, Т. Горицян.

Фотография Сергея Юдинцева

сытно жилось, искренне любил нас. Сегодня, по-моему, ничего такого близко нет.

– **Вы были послушным учеником?**

– Да. Не могу похвастаться хулиганством, не знаю, почему сейчас им принято кичиться. Я был смиренным мальчиком. Хуже того – робел перед учителями, перед старшими вообще, перед любыми «официальными лицами». Этот комплекс не изжит до сих пор. Но есть вещи, какие-то принципы, из-за которых я могу устроить разборки с кем угодно, не глядя на авторитеты. Учителя, мне кажется, меня любили. Не за послушание, возможно, а больше за то, что не было серьёзных проблем с учёбой, мне всё давалось довольно легко.

– **Владимир Михайлович, как вы находите темы для своих произведений?**

– Они сами меня находят. Я принадлежу к тем авторам, которые ничего не придумывают, а всё берут из жизни. Жизнь – фантастический сочинитель, за ней только успевай записывать! Каждый день подбрасывает темы и сюжеты в таких количествах, что их хватит на сотню лет.

– **Сколько всего сборников стихов у вас вышло, каким вы особенно дорожите?**

– Собственно поэтических – штук пятнадцать, есть ещё несколько таких смешанных, где стихи сочетаются с прозой. У

меня к книгам странное отношение. Новую книгу всегда очень жду, а когда она выйдет, быстро к ней остываю, перестаю её чувствовать. Со временем выясняется, что и этой не доволен, и в ней есть то, что хотел бы переделать. Выходит, что безоговорочно дорожу только новой книгой – до той поры, пока она не издана.

– Владимир Михайлович, как началась ваша литературная жизнь? Как принял вас читатель?

– А что считать началом литературной жизни?.. Если первую публикацию, то это было в году, наверное, семьдесят втором: в республиканской газете «Молодежь Украины» напечатали моё стихотворение. Не знаю, как принял его читатель, скорее всего – просто не заметил. Но для меня это стало памятным на всю жизнь праздником и ознаменовалось... приобретением спортивных трусов. Получил гонорар – тогда авторам обязательно платили гонорары – и купил белые трусы. А то всё носил исключительно форменные флотские, они были чёрные. Делая в таких физзарядку на Червонной площади в Киеве, на виду у всего Подола (это такой древний район украинской столицы, где располагалось наше училище), я испытывал большую неловкость.

– В одном из стихотворений есть строка: «Я вспомнил всех, с кем не был одинок». С кем из писателей или просто людей вы «не были одинокими»?

– А «писатели» и «просто люди» – это что-то очень разное?.. Знаете, писатели, как ни странно, тоже немножко люди... Так вот, на людей, известных и неизвестных, но интересных, выдающихся, даже уникальных, моя жизнь оказалась по-настоящему щедра. С кем-то встречался однажды и был едва знаком, с другими общался многие годы, а с кем-то дружил и дружу до сих пор. Кто из вас смотрел фильмы «Служили два товарища», «Красная площадь» или «Экипаж»? Эти и ещё примерно тридцать фильмов, многие из которых знамениты, были поставлены по сценариям Юлия Дунского и Валерия Фрида. Не рискну отнести себя к числу их друзей, но дома у них бывал не раз, они писали мне письма и дарили свои книги. Вообще у меня собралось более семисот книг с автографами авторов. Среди них Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Сергей Михалков... Но ничуть не меньше я счастлив знакомством, к примеру, с поэтом-земляком Вячеславом Протасовым, учёными Юрием Кабанковым и Валерием Кулешовым, режиссёром Виктором Бусаренко или рыбаком-таёжником из села Чугуевки Геннадием Бабковым... Думаю, и вот в этой библиотеке тоже есть те, с кем я не буду одинок. Люди разных профессий, в солидном возрасте и совсем юные – у меня много друзей, и все они совершенно замечательные! Я всех очень люблю и всегда о них помню.

– Владимир Михайлович, а прозвища у вас были? Я имею в виду в школе.

– Я же был нормальный мальчишка, а у всех нормальных, то есть имеющих какое-то своё лицо, как-то выделяющихся среди прочих, обязательно есть прозвище. В школе у меня их было даже два. Сначала, в классе третьем-четвёртом, меня звали Тыквой. Думаю, не по созвучию с фамилией – ведь ничего подобного не было у моих братьев. Скорее всего, из-за формы головы – она выглядела чуть побольше и покруглей, чем у других. А в классе седьмом-восьмом я стал Кубинцем. Тогда мы бредили Фиделем Кастро и Че Геварой, очень сочувствовали кубинской революции, а я носил берет, как у кубинских барбодос, – головной убор, по тем временам довольно редкий, особенно у мальчишек.

– В стихотворении «Автобиографическое» вы пишете: «Был по штату – сельский фельдшер, По призванию медбрат». Это к вам относится или к лирическому герою?

– Это именно автобиографическое стихотворение. Я окончил Усть-Каменогорское медицинское училище, год заведовал сельским медицинским пунктом, потом служил фельдшером на Тихоокеанском флоте. «Медбрат по призванию» – так напи-

сал потому, что больные всегда хвалили, как делаю уколы, мне удавалось не доставлять им лишней боли. С флота поступил в Киевское высшее военно-морское политическое училище, стал офицером-политработником, потом военным журналистом, но что-то такое «медицинское» осталось во мне и не однажды пригодилось в жизни. Вообще, считаю, что лишних знаний не бывает, и чем больше человек умеет, тем лучше для его семьи, для его страны и для него самого.

– Есть в вашем лирическом багаже стихи-песни?

– Есть. Не скажу сколько, потому что учёта не вёл. Музыка писалась и на стихи, и на тексты, написанные по заказу специально для песен, композиторами Анатолием Тихоновым, Александром Гончаренко, Владимиром Сиенко, Константином Селивановым, Николаем Губиным, Николаем Горлачем, Анатолием Калекиным... Эти песни исполняли и исполняют народный артист России Александр Столяров, заслуженные артисты Виктор Коркишко и Игорь Волков, многие профессиональные и самодеятельные коллективы. Немало текстов ушло в бардовскую песню. Кстати, самая первая – она называлась «Песня недалежного похода» – написана Виктором Плоткиным, известным автором-исполнителем, который потом ещё не раз обращался к моим словам. Мне особенно нравится, когда песни Плоткина поёт Ирина Невмержицкая, исполнительница совершенно уникальная, я просто влюблён в неё.

– Владимир Михайлович, расскажите о вашей издательской программе «Народная книга».

– Это не программа, это обыкновенное необыкновенное чудо, такого просто не может быть! Наверное, Господь помогает, иначе не объяснишь, как в течение нескольких лет вышло в свет более сотни книг. Ежегодно по десятку – при том, что это удовольствие дорогое, а у нас денег не было и нет. Говорю «у нас», потому что в этом как раз и кроется секрет. Книга ведь штука непростая, она требует усилий многих людей, разных редких и, стало быть, дорогостоящих специалистов. Художников, дизайнеров, редакторов, корректоров, полиграфистов... Вот во Владивостоке нашлись такие люди, такие специалисты, которые делают свою работу бескорыстно, до минимума снижая себестоимость издания. Конечно, совсем бесплатным его сделать невозможно. За бумагу надо платить и так далее. Но это уже другие деньги, как-то они иногда находятся. Часть затрат мы покрываем продажей своих изданий. Вообще, когда государство занималось книгоизданием и книгораспространением, в такой программе не было нужды. А сейчас без чего-то подобного многие авторы из провинции никогда не смогли бы увидеть свои произведения напечатанными. Тем более авторы, которых уже нет в живых, как, например, замечательный дальневосточный писатель Иван Басаргин. Вот если бы не поработала вся библиотечная система Владивостока, не напряглись бы сотрудники библиотеки имени Басаргина, неизвестно, когда бы ещё снова вышел (если бы вышел) его «Чёрный Дьявол». «Народная книга» живёт благодаря многим людям, я назову только некоторых из них – самых-самых: Людмила Качанюк, Павел Кириченко, Нина Свербута, Ирина Тараторкина, Ольга Давыденко, Наталья Копчёнова, Сергей Юдинцев, Марина Чичкова, Джон Кудрявцев, Евгения Севостьянова... В своё время много сил и души вложили в программу Ия Пермякова и Вячеслав Седых. Нельзя не сказать об участии в программе Приморского фонда культуры во главе с Майей Афиногеновой и Морского государственного университета, в издательско-полиграфическом комплексе которого вышло большинство наших изданий.

Приходите на наши литературные вечера, на наши презентации, выбирайте себе книгу по вкусу и знайте: когда вы её покупаете, вы становитесь участниками издательской программы «Народная книга». Завтра ваши денежки воплотятся в уже знакомый вам ежегодник «Сихотэ-Алинь» или, может быть, в первый томик пока неведомого нового автора, не исключено, сидящего сейчас в этом зале.

– А что вы ждёте от жизни?

– Ничего не жду. Разве жизнь мне что-то должна, разве имеет какие-то обязательства передо мной? У жизни перед нами никаких обязательств нет, есть только права. Например, право в любой момент спросить любого: а как ты живёшь, тварь Божия? Как вы все живёте, господа-товарищи?! Вот этого вопроса я всё время жду и каждый день стараюсь на него ответить. Поступком своим, всяким малым ли, большим ли делом, отношением ко всем и ко всему – к людям, к природе, к своей земле и своей стране. Мне кажется это не просто главным, а единственным смыслом жизни, без которого человек не человек, а – в лучшем случае – какие-нибудь маугли с манкуртами или гоблины с орками.

– Мне очень понравились строчки: «Любовь, конечно, впереди печали, Но вся печаль на свете – от любви». Вы верите в любовь? Что вы можете сказать нам, молодым? Кто ваша семья?

– Вы о какой любви говорите? О любви, как отношении между полами? У меня нет сомнений в любви между мужчиной и женщиной, но для вас мои уверения в её существовании значения не имеют – каждое сердце убеждается только собственным опытом. И ужасно то, что сегодня наша масскультура, идеология, которая, можно сказать, на государственном уровне внедряется в массовое сознание, прежде всего – в сознание молодёжи, цинично фальшивят, сводя любовь к сексу, а секс к безобразию и к патологии. Но любовь, о которой мы говорим, не вся любовь человека. Есть ещё любовь к правде, ко всему сущему, любовь к ближнему и дальнему своему, к своему народу, к своей малой и большой родине, ко всему прекрасному, что существует на свете, из чего состоит жизнь и что делает человека человеком. Это и деревце под окном вашего дома, которое вы посадили, и история вашей страны, и, конечно, литература, настоящая русская литература, великое, на самом деле, достояние человечества... Любовь к своему делу, к своей профессии – необходимое, считаю, условие земного счастья. Всеобъемлющая, в общем, вещь – самое главное не только для человека, но для жизни вообще, любовь идёт от Бога и к Богу восходит. «Без любви жить не стоит и вовсе – это всё, что я в жизни узнал» – так написал замечательный поэт Вячеслав Протасов, я с ним полностью и навсегда согласен.

Что сказать о семье? – семья нормальная: жена Ольга Николаевна – врач, по-моему, очень хороший врач. Да и не только по-моему... Два сына, Иван и Николай, двадцать один год и восемнадцать лет, оба окончили девятую школу, учатся один в Морском государственном университете, другой в ДВГУ.

– Владимир Михайлович, как вы отдыхаете? Ваши увлечения?

– Жизненное и главное увлечение – чтение. Отдых – рыбалка и грибы. Всё реже, к сожалению, удаются выезды на природу с друзьями и близкими – очень люблю кормить их шашлыком, который неплохо готовлю.

– Кадровый морской офицер, какие слова вы бы сказали молодому человеку, которому предстоит служба в армии?

– Я современную армию знаю плохо и плохо понимаю. Но, надо надеяться, назначение её остаётся прежним – обеспечить мир на родной земле, а если потребует, и защитить её в бою. По одной этой причине я сам ни при каких обстоятельствах от армии косить не стал бы. В мои годы, в годы моей молодости, служба в армии была для парня знаком качества. В это, может быть, трудно теперь поверить, но на тех, кто не служил, даже девчонки смотрели с подозрением или не смотрели вообще. В моей личной судьбе военная служба определила всё или почти всё. Кстати, я вполне мог не служить, формальные и совершенно законные основания для этого были. Но об этом даже мысли не возникало. Сам выбрал флот, а флот уже привязал к себе на двадцать с лишним лет. И сделал меня журналистом, и в литературу привёл. Это, конечно, случай особый, далеко не

обязательно, чтобы служба становилась пожизненным делом. Но, мне кажется, в любом варианте, военная служба – не потеря, не пустая и малопривлекательная трата времени. Это этап становления, созревания характера, закалка души и тела, выработка философии, закладывание, если хотите, стержня личности и фундамента судьбы. Это, разумеется, и проверка во всех смыслах – проверка на крепость моральную и физическую, испытание способности к адекватному общению. Служба даёт одно из необходимейших для человека умений – умение выстраивать нормальные межличностные отношения. Этому быстро учат условия коллективного бытования в сочетании с выполнением экстремальных задач военной службы. Сегодня много желающих рисовать армию как сборище тупоумных и жестоких полуживотных, как некий образец сплошного кошмара. Если наша армия действительно такая, то значит, это мы такие, это всё наше общество такое, начиная с самых-самых верхов. Я в это верить не хочу, не хочу с этим соглашаться и смиряться. Кошмара, конечно, в современной России хоть отбавляй, и бандитства всякого выше крыши, но вот мы же с вами нормальные люди, ваши мамы и папы, ваши учителя – порядочные, законопослушные, нравственно здоровые граждане, и для них не всё безразлично, не всё равно, что происходит в стране! А ведь мы – тоже Россия, и мы – народ, и мы – армия. Как можно отвернуться от самих себя, наплевать на себя, зачем хоронить себя живо? Государство, общество, не любящие, не берегущие свою армию, обречены на гибель. Так было всегда раньше, так есть сегодня, так будет и впредь, во всяком случае, в доступной нашему представлению ближайшей исторической перспективе. Вот так бы я ответил на ваш вопрос – вопрос на самом деле важный, касающийся не только какого-то мальчика-призывника, но, в конечном итоге, определяющий будущее страны. От того, как мы с вами этот вопрос решим, зависит – есть у нас это самое будущее или никакого будущего уже не будет.

– Владимир Михайлович, пробовали ли вы себя в прозе?

– Уже признался вам, что у меня есть несколько книг, в которых проза перемежается с поэзией. Есть и чисто прозаические: «Свеча горячая», «Сигнальные костры», «Канайка». Но с определением жанра и здесь не всё просто. Если «Сигнальные костры» – книга откровенно публицистическая, то две другие ближе к художественной прозе, хотя и не лишены элементов публицистики. Последняя по времени прозаическая публикация – повесть «Ещё не старые лошади». Повесть вышла в трёх изданиях: в одной военной газете, вернее, в приложении к ней, в Санкт-Петербурге; в Москве – в журнале «Пограничник» и во Владивостоке – в ежегоднике «Сихотэ-Алинь». Только последняя версия – полная и по-настоящему авторская, остальные подвергались существенному редактированию и сокращению. В творческих планах главное место, пожалуй, у меня занимает сегодня именно проза. И опять же – в значительной мере публицистическая. Я бы, конечно, хотел бы сочинить какой-нибудь гениальный роман, но для этого, кроме некоторых способностей, нужно немалое время, а мой выбор не вполне свободен – многое определяет работа в Морском государственном университете, даже темы и жанры зачастую диктуются служебной необходимостью. Так что «свободным» творчеством я занимаюсь по остаточному принципу. На стихи нужно меньше времени, чем на серьёзную прозу, а время для меня – самая большая проблема. На прозу его явно не хватает. Отсюда, мне кажется, и ваш вопрос, свидетельствующий о том, что читателю я более-менее известен как человек, пишущий стихи. Это немного огорчает, потому что на сегодня, мне кажется, лучшими моими книгами являются как раз книги прозы и первая из них – «Канайка».

**Материал для печати подготовлен
литературным активом студии «Паруса»**

Фото Д.Курянцева

Владимир ТЫЦКИХ

БАЛЛАДА О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ

Вяч. Протасову

Значит, год сорок девятый:
На дворе – двадцатый век.
Мы слепые, как котят,
Сладко чмокаем во сне.

Кто в прекрасном штатте Гере,
Кто в глуши алтайских гор.
Все грядущие потери –
Просто чей-то глупый вздор.

Победившие солдаты
На постах своих стоят;
Пусть не очень-то богата,
Жизнь кругом идёт на лад.

Собрались восток и запад
Никого не обижать.
А иначе мамы-папы
Нас не стали бы рожать.

Ну а кто недобрым часом
Сдуру шибко зашалит,
Офицер Василь Протасов
Мигом пушки расчехлит.

На большой проект

«Манхэттен»

Батька мой сказал: «Фу сим!» –
Не должно быть безответных
Нагасак и Хиросим.

И в Державе всё в порядке:
Неизвестно, там ли, здесь
(здесь оно, конечно, вряд ли),
Только бомба тоже есть.

Не болтают наши люди,
Но без дела не сидят:
У страны у первой будет
Термоядерный заряд.

Долго нас никто не тронет:
Урожай в полях растёт,
Книг ещё не пишет Лёня,
Миша премий не берёт.

Время дышит далью близкой
И, пока мы сладко спим,
Только зыбает Борису,
Только люлит иже с ним.

Любим мы страну родную,
Наплевав, что там и тут
Нам под музыку чужую
Наши лазари поют.

Что они, набивши брюхо,
Разменяют по рублю
СэСэСэР на эсэнгуху,
А Россию на Чечню.

Ведь пока, по крайней мере,
Тихо в мире и в душе.
И Протасов в штатте Гере
Голос пробует уже.

С хлебом скромно. Но по стали
Бьёт страна рекорд не зря.
И какой-то Аллен Даллес
Нам вполне до фонаря.

Сталин жив пока, и значит,
Вечно жить ему пока,
И Хрущёв на ближней даче
Смирно рубит гопака.

Всё не то чтобы прекрасно,
Но в тюрьме сидит ворьё,
И про жизнь малец Протасов
Песни первые поёт.

Ни взахлёб не славят этих,
Не клеймит позором тех,
Не кричит, что в целом свете
Он, конечно, лучше всех.

А поёт о том, что звёзды
Горним светятся огнём,
Что, ложась порою поздней,
Ранним утром мы встаём.

Нам бы справиться с делами –
Их опять невпроворот.
Если правда наша с нами,
Значит, час её пробьёт.

... Век прошёл, а песни эти
Нам допеть не довелось.
Ну и что? Тысячелетье
Только-только началось!

* * *

Скоро забудут,
запишут ли в святцы –
Не отменить ни того,
ни другого.
Некого, нечего
в жизни бояться,
Только худого поступка
и слова,
Только беды,
что до сердца родного
Не достучаться,
не докричаться...

* * *

День начинался –
начинался путь,
И взгляду открывались
впереди
Свет – чтоб глядеть,
дорога – чтоб идти,
Колодец – чтоб водицы
зачерпнуть.
И плачь, и пой –
назад не повернуть,
И звёзд манящих
с неба не достать,
И тыщу раз упасть,
и снова встать,
И, может быть,
понять когда-нибудь,
Что долгий этот путь –
не без конца,
И ясный этот свет –
не навсегда,
Но даже днём далёкая звезда
Видна, пока в колодце
есть вода,
Пока ты зряч, пока вода чиста,
Пока открыт колодец
и глубок,
Пока небес родимых высота
Светла, и ты ещё –
не одинок...

Свобода выбора

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

в провинциальном городе

I
на этой улице
живёт Неразделённая Любовь
вот – дом её
увитый диким виноградом
вот – дверь
ключи на дне засохшего колодца
а вот – лицо её
застывшее
за ржавую решёткою окна

II
по этой дороге
всегда на рассвете
возвращается с песенкой летней
синьора Счастливая Любовь
в правой руке её – сонная роза
левая – весело мчится по воздуху
губы её перепачканы
соком вишнёвым
юбка её – ах боже мой –
постоянно измята

адрес её никому не известен
если вы даже припрёте к стене
городских почтальонов
вряд ли узнаете
что-нибудь определённо

нет – говорят –
и вообще у неё никакого нет дома
да – говорят –
а вчера её видели спящей
в саду возле тополя
третьего с краю

впрочем
вы можете встретить её
на рассвете
здесь на этой дороге
узнать-то ведь проще простого:
в правой руке её сонная роза
левая весело мчится по воздуху
губы её перепачканы
спелыми вишнями
юбка её – ах боже мой –
постоянно измята

океанская почта

напишу тебе
совсем короткое письмо
такое чтобы ему было
просторно
в пустой бутылке
тёмно-зелёного стекла
...буду слушать
чем это недовольна волна
покидая берег
передразнивать чаек
вспоминать о пустяках

и глядя в море
с нетерпением ждать ответа

переливание крови

разлучить нас –
всё равно что взять и отменить
самый главный закон природы
заодно и все остальные законы
экстерном мы сдали экзамены
в школе
где учат забывать прошлое
над моим столом
аккуратно прибита
похвальная грамота

...а вчера в рыбном отделе
в какой-то длинной и нервной
очереди
я почувствовал вдруг
как в меня – капля за каплей –
переливается твоя кровь
горячая нетерпеливая
она слегка покалывала вены

испуганный
я бросился сломя голову
на улицу

чтобы предупредить тебя
но меня остановили прохожие
– чужак – сказали они
постарайся успокоиться
в этот миг
твоя кровь капля за каплей
капля за каплей

наполняет её аорту
и уже совсем близко от её сердца –

вот и попробуйте нас различить!

во-первых –
это всё равно
что отменить все законы
природы

а во-вторых –
слишком много испорчено
крови...

свобода выбора

этот точильщик невозмутим
и спокоен

искрами брызжет
упругое тонкое лезвие

может вонзиться легко
в тёплый хлеб на столе

может легко перерезать
поющее горло

ураган

с твоим именем

сейсмологи Японии
дыханья затая
следили в эту ночь
за стрелками приборов

как всегда –
ничего нельзя было изменить
как всегда –
только предупредить
о надвигающейся опасности
и ждать...
ждать...

ждать...
и назвать ураган твоим именем

... в эту ночь
на спящих островах Японии
были отмечены
оглушительные толчки
моего сердца

Экспромт ПОД МЕТЕЛЬ

* * *

Скрипнет ствол,
  чернея наготовою;
зябко пробежит по кроне дрожь,
на пространство серое, пустое
сеть свою
  опять набросит дождь.

Сердце до краёв нальётся болью
долгой астенической тоски;
прогрохочет поезд – как обойму
расстреляв. На мелкие куски

разобьётся тишина над лесом –
беженке примнится гул войны.
Хрустнет ветка под ногою
  с треском...

Смутным ожиданием полны,

как слепцы,
  свой путь особый ищем
(небеса осенние темны),
птицами кружа над пепелищем
выжженной безверием страны.

ЭПИТАФИЯ ТОПОЛЯМ

Скорблю по зааконным тополям,
Что сведены по-варварски
  под корень,
Скорблю по улетевшим
  воробьям –
Как топором, подрубленная горем.

Им никогда листвою
  не шелестеть,
Не испускать зелёного свеченья.
И воробьям на вече не галдеть,
Что ждали с нетерпением
  угощенья,

Когда в кормушку сыпалось пшено
И семечки подсолнечника звонко.
Прощайте, тополя!
Светлей окно –
Темнее в душах варваров потёмки.

Свалили ветви грудой под окном –
Снега к утру следы расправы
  скроют.

И каждый ствол
  надёжно расчленён,
Чтобы не ожил (не дай бог!)
  весною.

* * *

Наша жизнь с рожденья суета,
Пустотой порожней занята:
Места ли под солнцем,
  славы, денег –
Поиск с колыбели до креста.

К этому фортуна льнёт сама.
А иных тюрьма или сума
Измытарит и, отняв надежды,
Сводит то в могилу, то с ума.

Иногда, случится, повезёт:
Лихо стороною пронесёт.
Ведь судьба слепа,
  как суд присяжных –
Он приговорит или спасёт.

И ночами душу беребя,
Совесть за грехи сочтёт с тебя,
Что вершил ты
  вольню и невольню,
Жизнь, как поле минное, пройдя.

Каждому назначен свой удел.
И получит каждый, что хотел.
Непреренно все сполна
  получит –
Но по рангу совершённых дел.

* * *

В гору бежишь,
  задохнувшись от бега,
Ноги о наледь скользят.
Просит душа настоящего снега:
Полые тучи висят.

Полые тучи, тоску нагоняя,
Застили весь небосвод.
Узкая тропка, по склону петляя,
Молча к обрыву ведёт.

Руки в бессильном порыве
  раскинешь,
Дали пытаясь обнять.

Истину в сердце горящую
  примешь:
Крыл в синеву не поднять...

Вот заструилась поэмка
  по кругу,
Зимний поплыл хоровод.
Вьюг и тоски круговую поруку
Только весна разорвёт.

ЭКСПРОМТ ПОД МЕТЕЛЬ

Холодно, холодно. Холодность...
Не с кем души отогреть.
Ах, не кончалась бы молодость
И никогда б не стареть.

Если бы всё, как в Начале –
Вечно бы длящийся день.
Нет ни тревог, ни печали,
Только от облака тень.

Если б на то Божья милость
Жить-поживать, как в раю.
Солнце бы в небе катилось,
Радость качая мою.

Жизнь до чего же короткая –
Словно июньская ночь!
Даже молитвою кроткою
Времени не превозмочь.

Плачет метелица белая,
Прожитый год хороня.
Что ж ты, праматерь,
  наделала?! –
Сделала бренной меня.

* * *

Платиновой пылью припуржило
Чёрную копну твоих волос.
Ко мне чашу нежности,
  мой милый,
Ты, не расплескав, в душе пронёс.

Благородной платиной украшен.
Кто сказал, что это – седина?!
И моей души мерцает чаша –
Нежностью взаимною полна.

Николай ЧАЙКА,
Подмосковье

* * *

Талантливый поэт и человек – Николай Николаевич Чайка – заслуживает самого пристального внимания со стороны российских журналов и других изданий!

Желаю ему творческих свершений.

**Народный артист СССР
Евгений ВЕСНИК**

* * *

Дорогому досточтимому коллеге Николаю Чайке – с искренним, сразу возникшим, расположением, с пожеланием многих вдохновений, свершений и удач – не главных в жизни поэта, но всё-таки надобных и достижимых.

Белла АХМАДУЛИНА

* * *

Одарённость автора мне кажется бесспорной.

Алексей ПАРЩИКОВ

* * *

Евгению Яковлевичу Веснику

Все некрологи сверстаны,
жирно скорбь пропечатана.
Мы прощаемся с Весником –
мудрый Весник прощает нас.

Для мессии молебен ли? –
по России шел с посохом...
Лицедея лелеял,
а казнили философа.

Да, наверное, стоило
за Россию в окопах гнить,
чтобы Весть и в Истории,
и в себе сохранить.

Мы с мессией прощаемся
как с народным артистом.
Мудрый Весник прощает нам
атавизм нарциссизма.

На Руси за кулисами
Бога не обрести:
если вестники – лишние,
лжепророки в чести.

Духом в райские кущи,
светом Разума вдруг –
здравствуй, вечноживущий,
запоздалый мой друг!

Там, на вечном ристалище,
где в Начале – Любовь,
мы с тобой встречаемся –
и расстанемся вновь.

Сверчок

Как мысли вслух,
как рифма в стих,
Скрипит крылечко, –

Ручной испуганно затих
Сверчок за печкой.

В мой дом окно, как апельсин –
Горит без тока:
Мигает в лампе керосин,
Берёза в топке.

И сам я стал, как грустный шар
Прямоугольный:
Ещё горит в смоле душа –
Уже не больно.

В окошко ночь скользит,
как шёлк, –
День славно прожит!
И поздний гость на посошок
Не растревожит.

Всё суета, скульпить не сметь,
Товарищ если
Угрюмый птах, чей хриплый смех
Летит над лесом.

В мой дом окно издалека –
Шар в перекрестье!
И я под Солнцем таю, как
Щербатый месяц.

Приди ж, отстав на волосок,
Срывая петли,
Сгреби корчевье на совок
И выбрось пепел.

Крещение Руси

Прочь гони –
с кручиной не оставит,
позови – примчится босиком...
Непрактичной, пылкой,
православной,
в белом ситце – тысяча годков!

Про богатства Скифии
за Тигром
языки чесали чувачи –
повязали Киев с Византией
на Днепре монахи-челноки.

Резво княжил красный –
симпатичный! –
сукин сын, лукавый, как студент,
дикарей макал в купель он лично –
первый православный
диссидент!

Техпроцесс читает
между строк он:
как поэт весной про соловья,
знает кесарь всё
про перестройку –
всё вернётся на круги своя!

Будут князь и вороватый барин
пировать и здравствовать
всегда, –
будет стопка сирому в хибаре,
в грядках крест и красная звезда!

Не строптивый –
странный для столицы,
здоровенный, как в степи курган,
я произрастаю из язычеств –
не последний русский уркаган.
Был поэтом гений – хулиганил, –
я готов Его боготворить.
Мне пометил гены
зневный Гамлет –
я могу его обматерить!

Ой ты, Русь!
Рукой подать до рая –
и когда у пьяного стола
в сарафане чучело сгорает,
и когда поют колокола.

Минуют ВСЕ СРОКИ

* * *

Господи, такая вдруг теплень!
Истомилась степь,
насквозь просвечена.
Пахнет пылью дикая полынь,
Кузнецы-кузнечики.

Где-то в поднебесной высоте
Вся моя растерянность
схоронится,
И душа, широкая, как степь,
Захолонется.

Захолонется, затревожится,
В песню старую складно
сложится.

Ох и да трава-мрава
купеческа-а-а.

Ох и да трава-мрава
медовья-йя-я,

Ох и да износились мои плечики,
Мои кудрюшки шелковые-йя-я.
Куды младость подевалася?
Уж ли старость расстаралася?
Ох и да конёк мой
словьянынай-й.

Ох и да конёк мой,
зрачком бешенай-й.

Ох и да был конёк
как жар малиновай-й,

Стал пеганый, неутешанай-й.
Куды младость подевалася?
Уж ли старость расстаралася?

И покуда белый свет слепит,
Плачет песня, надрывается.
В остывающей от марева степи
Травы сонные качаются.

Не дознать, что вдруг
отозвалось,
Иль могилы дедов
стали тесными,
Из земли взошло и пролилось
Русской песнею.

* * *

У медведя во бору
Грибы-ягоды беру.
А как ночь настает,
Медведь поёт.
Над малинником

Месяц светится,
Серебрит Большую Медведицу.
Коготки её
Обливает медь.
Глядя в небо звёздное,
Поёт медведь,
О ковше, в котором страсти
Жарок мёд,
Он медведице прекрасной,
О любви поёт.
Отклубится ночь,
Рассыплется ночь.
Чем косматому
Пособить-помочь?
И в чащобную повесть
Поплетётся медведь.
Пеший, как леший!
Молодой, косолапый!
Только папоротник вздрогнет
Под тяжёлой лапой.
У медведя во бору
Грибы-ягоды беру.

Смешенье

Пространство неба и воды...
Следы и счастья и беды...
Их грань исчезла.
А с ней исчезли без труда
Все прожитые мной года.
Судьба воскресла.
И рыбы по небу летят,
И птицы в глубине парят.
Заблудшим тяжко.
В корзинке девочки плоды
И две потухшие звезды.
Не плачь, бедняжка!
Держись ручонкой за меня.
Промокли юбки от дождя,
Вдвоём теплее.
Мы выберемся, мой малыш,
Найдём дорогу среди крыш.
Мы всё сумеем.

* * *

От дак литовка!
Горит чертовка!
Цветёт литовка
Зеленью пенной!
Брага с подмышек!
Солнце-мёд!
Мамочки!
Это ж во всей Вселенной

Нынче косит народ!
Росы – молочные,
Травы сочные
Спешат растелешиться,
Зарюют, тешатся.
Счастья русская тоска –
Комариная река
Звенит звоном,
Да стонет стоном.
Эх! Попьём кваску!
Разогнать тоску!
Ступни босы,
Мураши в косах.
Отожму платок,
Отдохну чуток.
Под ногами стебелёк,
А на нём уголёк.
Ягода рясна,
Личико красно.
Прощай, сенокос!
Заброшен покос.
С потом да кровью
Сила коровья
Улетела далече.
Время глупых лечит.
А умных – разум.
Жаль, не всех разом.

Звёздочка во мгле

Минуют надежды,
минуют все сроки.
От всех ожиданий – зола,
Но вот на пустой,
одинокой дороге
Ты встретишь немного тепла.
Совсем непривычно,
неловко, невнятно,
Как звёздочка в тающей мгле.
И так почему-то
вдруг станет понятно,
Зачем мы живём на земле.

По совести

Прикрывши язвы горделиво,
Не зная за собой вины,
Радеем мы за справедливость,
По сути, зависти полны.

А нужно-то: кусочек хлеба,
Щепотку соли, горсть воды
И совесть – не просить у неба
Ни радости и ни беды.

НА ЗАКАТЕ ЗВУКИ ТАЮТ...

***

Запах лета, запах сосен,
В роднике журчит вода,
По опушке ветер носит
Паутинок невода,
Протрусил олень торопко,
Белка ветки ворошит,
Изворотливая тропка
По своим делам бежит.
На закате звуки тают,
Блещет бликами река,
Наплывают, уплывают
Золотые облака.
Спать ложится вечер юный,
Ночь ступает на порог...
Мир прекрасный,
                        мир подлунный
Расстиляется у ног.

***

Бетонные тела домов
И нескончаемые крыши.
Уныло люди делят кров
И лепят этажи всё выше.
Они в душевной тесноте
Не помышляют о духовном,
И поклоненье суете
Им заслоняет мир огромный.

Им кажется, что их зовёт
Необозримая дорога,
Работа, деньги, рой забот
Поставлены на место Бога,
И, отвернувшись от Творца,
Застывшие в недоуменье,
Ожесточённые сердца
Стучат, стучат, стучат
                        в забвенье...

А за спиною – горизонт,
А за спиною – бесконечность,
Раскинул Бог небесный зонт
И дарит жизнь длиною
                        в вечность,
Шумит могучая тайга,
На дне речушки свет таится,
Где тоненькая кабарга
Полощет острые копытца.

***

Меня манила бесконечность
Полёта жёлтого листа,
Его пропорций безупречность,
Его резная простота...

Протившись с отзвуками лета
И воздуха поймав поток,
Он закружился в вальсе света –
Виток, ещё один виток...

Победно наступает осень,
Сухими листьями шурша,
В оправе изумрудных сосен
Изысканна и хороша.

Спускаясь по багряным сопкам,
Бросая золота мазки,
Взбегает по таёжным тропкам
И замирает у реки.

В звенящем воздухе пахучем
Настоем трав напоена,
В вороньем карканье тягучем
Ещё слышнее тишина...

Стою над бездной, в свете тая,
Раскинув руки, чуть дыша,

Как птица, ветер налетает
И отступает не спеша...

В порыве искренних признаний
Внезапно понимаю я
И относительность желаний,
И бесконечность бытия...

***

Уходит яхта на закат,
Оставив берег за спиною.
Как дети, чайки вслед кричат,
Паря над низкой волною.

Морского зеркала покой
Бурун вскрывает белоснежный,
Змеясь над тихой водой,
Бросаясь пеною небрежно.

Уходит яхта на закат,
Вплывая в огненное солнце.
А где-то ветры тучи мчат
И барабанит дождь в оконце...

Она вернётся на восход,
И снова чаек плач протяжный
Мне сердце жалостью сожмёт,
Как композитор – лист
  бумажный.

Высота 412, о. Шикотан

Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев.

СЛЕПОЕ КИНО

Ты уснула...

– Ты уснула?

А знаешь, как трепетно
Замираю я, если ты спишь?
Весь мой мир,
из осколочков слепленный,
Без тебя невозможен, малыш.

Ты вздохнешь –

на душе сразу пасмурно,
Улыбнешься – спасибо судьбе.
Каждый день оттого уже
счастлив я,
Что могу прикоснуться к тебе.

Без тебя и весна – не весенняя,
И капель – только капли воды.
Ты моя небольшая вселенная,
И большая – похоже, что ты.

А другие... Так место-то занято.
Ох уж эти сомненья души.
Хорошо, ты не знаешь, какая ты.

И услышать в ответ:
– Расскажи?..

Каштан

Осень пожирает кучи листьев,
Шамкая беззубо дымным ртом.
Всех оттенков –
красных, жёлтых, лисьих –
Полон мир, притихший за окном.

У берез растрепаны косички –
Ночью шастал ветер-интриган.
Южный гость, похоже,
с непривычки –
Ёжится от холода каштан.

Как и я, он всё своё столетье
К снежному безмолвью не готов,
Всё мечтая выносить соцветья
Шоколадно-глянцевых богов.

Выдумка

Я придумал тебя? Ты считаешь?
Соглашусь! Вот забава уму!
Захочу – ты в тумане растаешь,
Передумаю – снова верну

В этот мир,
где так просто – играя –
Зажигать и гасить
в душах свет...

Только будь осторожной, родная,
И – меня – не придумай в ответ!

Слепое кино

Если глаз не открывать –
всё равно,
Где ты – в церкви
или между могил...

Я придумал бы слепое кино,
Где у каждого герои – свои,
Где на ощупь узнают, кто чужой,
Кто влюблен,
а кто – с похмелья – остыл,
Где зарежут – так уж честно:
ножом,
А не взглядом
равнодушно-пустым.

Я б не верил ни словам,
ни слезам –
Можешь спрятать их
в потоках дождя...
Только руки смогут точно
сказать,
Всё ли я еще живой для тебя,
Всё ли я ещё... Вот так? И давно?
С белых яблонь?
Представляете – дым...

Я придумал бы слепое кино,
Если б не был от рожденья
слепым.

Когда я брошу...

Я позвоню тебе,
как только брошу
Писать стихи. Добавлю:
– Навсегда.
Обрадуешься, скажешь:
– Мой хороший,
Ты возвращайся, горе – не беда!

Забудь дожди, разлуки,
огорченья –
И приезжай – туда,
где вечный май...

Я закурю – и выдохну:
– ...стеченье...
И вновь услышу в трубке:
– Приезжай!

Забудь снега,
ночные полустанки,
Прогулки под луной –
и те слова...
Я жду тебя, мой милый, нежный,
сладкий...

Закашляюсь и вставляю:
–...как халва...

– Ты приезжай –
камин уже разбужен,
Садись поближе –
к самому огню...
Тепло, покой –
ну что еще нам нужно?
Отвечу тихо:
– Я перезвоню...

Летнее кафе

Не помню лиц, событий,
ощущений –
Всё забирает время,
день за днём.

Но – как вчера:
тропинка вдоль ущелья,
И летнее кафе, где мы вдвоём.

Сезон прошел. В неведомые дали
Разъехались курортники – пора.
А вот кафе – еще не разобрали.
Забыли? Отложили до утра?

Луна – да просто так,
бывает с каждым –
Алёнушкой грустила над ручьём;
Я говорил о чём-то
очень важном,
А ты – молчала,
также – ни о чём...

Сотрется всё.
Останется – немного.
Уместится в единственной
строфе –
Пустынная вечерняя дорога
И то, уже осеннее, кафе.

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

СОНЕТ

Владимиру Тыцких

Вновь осень щедрая на грусть.
Болезненная ностальгия.
А годы наши – никакие,
За пять десятков... Ну и пусть!

Без сантиментов обойдусь.
По городам шустрят «крутые»,
Пьют пиво люди молодые.
Судить об этом не берусь.

В молитве стоя на коленях
Прошу у Бога вдохновенья,
Чтоб написать хоть пару строк

О нашей вере во спасенье,
О тишине аллеи осенних,
И как в скорбях я одинок.

18.09.2001

***

Вечер разомлел и потянулся,
Хрустнули суставы мостовых.
Звуки из домов вливались в русло
Улиц желтоглазых и кривых.

И никем не различимый шёпот
Жадных губ, молящих о любви,
Был исхлестан ливневым потоком
Голосов, клаксонов и витрин.

***

Трясло автобус на буграх
И гарью пахло,
Печаль лежала на дубах,
На липах чахлых.

Водитель яростно крутил
Свою баранку,
Со мной попутчик говорил
Про дочь-беглянку.

Я лишь плечами пожимал –
Пустое дело.
А мне с обочины махал
Платочек белый.

***

Ничего не случилось...
Как будто бы вечер.
Вот и город угрюмый
приветлив и прост.
Не часы и не дни,
а сама бесконечность
Смотрит в душу мою
мирадами звёзд.

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник
«Литературный меридиан»
можно с **ЛЮБОГО** месяца, от-
правив почтовым переводом со-
ответствующую сумму по адре-
су: **692342, Приморский край,
г.Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

1 месяц — 50 рублей,
2 месяца — 85 рублей,
3 месяца — 120 рублей,

**6 месяцев — 200 рублей,
1 год — 400 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку
даже на номера, вышедшие с на-
чала текущего года.

Для подписавшихся помесечно
просьба указывать сроки начала и
окончания подписки.

ВНИМАНИЕ!

Продолжается литературно-художественный конкурс, посвя-
щённый **Победе над фашизмом в 1945 году.**

До 30 августа 2009 г. на конкурс принимаются поэтические,
прозаические, публицистические произведения, а также фото-
графии, посвящённые участникам и событиям Великой Отече-
ственной войны. Авторские работы высылаются по адресу наше-
го издания с пометкой на конверте **«НА КОНКУРС».**

По многочисленным просьбам участников сроки подведения
итогов переносятся на **ОКТАБРЬ 2009 г.**

© Литературный меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» заре-
гистрирована в Федеральной службе по
надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир КОСТЫЛЕВ,
г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
(представитель в г. Хабаровске,
тел. 8 924-206-04-76).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Евгений ВЕСНИК,
Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Ли-
тературный меридиан» обяза-
тельна.
- Мнение редколлегии не всегда
совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве
редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за до-
стоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в пу-
бликации.

Объём издания – 4,5 печатных листа. Тираж 999 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 мая в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.